

Два года

Два года прошло с тех пор, как черная тень самолета, в котором летел Даллес, легла на Корейский полуостров. Два года минуло с той жаркой июньской ночи, когда жители пограничных районов Северной Кореи были разбужены разрывами атакующих с юга снарядов.

25 июня исполняется два года с начала американской интервенции в Корею. Двадцать четыре месяца над Корейской землей бушует раздутые американцами пламя войны. Двадцать четыре месяца кровопролитий, слез, разрушений. Но Корея стоит непоколебимо.

Попрежнему грозен для врагов Пхеньяна — город, имя которого крепче камня и металла. Не блещет под яркими лучами солнца морская от росы чернища, не поднимается железные шторы магазинов, не ходят по широкому тротуару своим плавающим шагом цветочницы с корзинами на головах. Тротуаров нет, а цветочницы служат в частях противовоздушной обороны.

Давно уже не гуляют люди по пхеньянским улицам, не проходит строем, весело отбивая шаг, пионер, и маленький знаменосец не несет знамени, развеваемого утренним ветром... Где он теперь, этот знаменосец? Стал ли он маленьким солдатом сражающегося Пхеньяна? Или полагает отцу, брату, матери расквашивать обвалившиеся под бугасным дождем чины? Или сам лежит, погребенный под развалинами домов, мимо которых столько раз ходил в своей негодной, но светлой и полной надежды жизни?..

Многое изменилось в Корею за два года. Только одно осталось неизменным — мужество корейского народа и его армии. Впрочем, нет, изменилось и это, — мужество стало еще более великим, нехватка в врагу — священной ненависти, воля к победе — неистребимой, как жизнь на земле.

Нет, корейский народ не стал на колени, как об этом мечтали янки, не покорились палачу народов Азии. Своим мужеством, своей волей и стойкостью в священной войне корейские патриоты черпают в страстной вере в правоту своего дела. Они знают — с ними все честные люди земного шара, с ними великий советский народ. Руку помощи протянул Корею могучий брат — Народный Китай.

Когда Макартур, этот долговязый злой старик, этот генерал-убийца, глумил Уолл-стрит, отдав приказ о вторжении в Корейскую Народно-Демократическую Республику, заокеанский хозяин генерала казался, что все пойдет очень просто и очень быстро. Им казалось, что не успеет Макартур докурить сигарету или набить свою неуклюжую, точно топором вырубленную трубку, и там, за 38-й параллелью, все будет кончено: непослушание лягут в могилы, а покорные услужливо просунут свои выи в американское ярмо.

Но этого не случилось. Генерал-лушитель, «блестящий микадо» получал оплеуху и покатился на юг к Пусану и Тегу. В первые недели войны в Корею войска, предводительствуемые генерал-авантюристом, бежали, несмотря на свое техническое превосходство. Только спустя два с половиной месяца, бросив на маленький полуостров сотни самолетов, стаяв у его берегов весь тихоокеанский флот США, Макартуру удалось начать «генеральное» наступление.

Залив страну морем напалма, прогнав землю бугасами, американцам удалось продвинуться. Но это была пиррова победа. Собранный с силами, при братской поддержке китайских добровольцев, корейский народ и его армия нанесли такой удар Макартуру и его наемному сброду, что он похоронным звоном отозвался в Белом доме и на Уолл-стрите.

Это было слишком даже для апологетов Макартура. Узкий лоб, поредевшие волосы, топорная трубка незадачливого генерала исчезли со страниц газет. А следом исчез с Дальнего Востока и сам долговязый Наполеон из аркавазского уезда. На смену Макартуру явился Риджуэй. Из безобидного дельца он оборзел выжженным Макартуром землю, выставки отрубленных голов корейских патриотов и начал следующий этап американского бандинга в Корею. Этот этап ознаменовался неслабым еще по своему цинизму попранием всех прав человеческой морали.

Вход прикритым начавшихся в Есоне переговоров о перемирии, янки стали творить новые злодеяния. Им показало мало пролитой крови мирных людей. Им уже было мало отстреливать жалкие дома реактивными снарядами, поливать напаломом города и села, им было мало отрубленных корейских голов. Мир узнал, что янки применяли в Корею отвратительные вещества.

Однако и это новое злодеяние не стало пределом безыдной ярости американских фашистов. Карикатуристы всех стран, те, что стремятся к сходству своих карикатур с оригиналом, ныне рисуют Риджуэя ушатым бактериологическим бомбом, со шприцем в руках. Было бы правдивее изображать его просто в виде тифозной вши или холерно-чумного вибриона: после неудачи с химией американцы применили бактериологию.

Мир соропугнулся, узнав об этом. Люди поняли, что американские злодеи не только дискутируют в своих газетах о том, сколько надо взрывать бомб, чтобы уничтожить тот или иной город, или сколько требуется ямы бактерий, чтобы заразить тот или иной город чумой. От раскулаченной они перешли к действованию от пулемета.

Волгодонцы едут на новые стройки

СТАЛИНГРАД. (Наш корр.). Каждый день на трассе канала можно увидеть трогательные сцены проводов: уезжают механизаторы, арматурщики, монтажники, десантники, прорабы со землеройной работой, водоотлив.

Коллектив Водораздельного строительного района проводил в дорогу одного из своих лучших экскаваторщиков — коммуниста Н. Татаренко. Те, кто будет плавать по каналу, пусть обратят внимание на искусственные холмы между девятым шлюзом и заградительными воротами. Здесь, по соседству с большим шагающим экскаватором, работала машина «Уралец» № 359, бригадиром которой являлся Н. Татаренко.

Механизаторы уезжают вместе со своими машинами. На открытых платформах — экскаваторы различных отечественных заводов, вынуженные миллионами кубометров земли. Перед отъездом экипажи тщательно отремонтировали машины. Отправлено уже около 70 экскаваторов. Заканчивается подготовка и отправка экскаваторов «Воронеж», известных на канале под номерами 793 и 794. Экипажи их едут в Тахиа-Таш на строительство Главного Туркменского канала.

В Чапурниковском строительном районе начался демонтаж одного из крупнейших автоматических бетонных заводов. С сентября 1950 года небольшой коллектив заводы, возглавляемый К. Тепловым, выдал свыше 300 тысяч кубометров бетона.

Пока уезжают отдельные представители славной семьи волгодонцев. Сейчас стало известно, что заветная мечта каждого участника великой стройки — переехать на новое место вместе со всем коллективом — будет осуществлена. В недалеком будущем на новое строительство передут коллективы Волгодонского, Березлавского и Чапурниковского районов.

тов — в напалму, газам и микробам. Таковы идеология и политика Уолл-стрита.

Ставка на тифозную вшь, — трудно придумать более подходящий символ для интервенционистского сброда.

Но защитники Кореи победил и эту ставку. Те, кто не испугался летающих крепостей и реактивных «мустангов», не дрогнули и перед зараженными насекомыми. Ничто не в состоянии поколебать железной выдержки солдат Народной армии и китайских добровольцев. Ни американская военная техника, ни американская бактериология, ни беспрецедентные провокации и лицемерие во время переговоров о перемирии. Янки возмутили все честное человечество неслыханными кровавыми расправами над военнопленными, над беззащитными людьми, согнанными в концлагери на острове Кочжедо.

Опорив на весь мир американское оружие, не сумев провести ни одной успешной военной операции в равном бою, янки-генералы проводят «широкие» операции против безоружных заключенных на острове Кочжедо.

Вот как описывает корреспондент газеты «Токю симбун» Касай подробности кровавой расправы в военнопленных в лагере № 76 на острове Кочжедо:

«Чрезвычайные мероприятия, называвшиеся «операцией День-М», начались в 6 ч. 17 м. и закончились в 8 ч. 40 м. утра. Танки, огнеметы и различные виды ручных гранат были использованы полностью. Это был хороший пример того, как коммунисты сопротивляются войскам Объединенных Наций, даже если они находятся в безысходном положении, когда перед ними выбор — умереть или сдасться.

К лагерю № 76 были полтаныты по крайней мере 6 танков. Несколько тысяч американских солдат в стальных касках и с примянутыми штыками ворвались в лагерь.

Несколько сот американских солдат со штыками окружили три барака и двенадцать палаток, где, как полагали, укрывались лидеры корейских военнопленных. Бараки были подожжены, а палатки забросаны зажигательными бомбами, ручными гранатами и бомбами со слезоточивыми газами.

Жестокость и трусость обычно сочетаются со страстью к изощренным беззастенчивым. Вот он, гнусный облик американской военщины!

Даже такая реакционная газета, как «Чикаго дейли ньюс», публикует письмо некоего Копрада Петерсона из Чикаго, в котором говорится:

«Постороженню с политической кровью и грома по отношению к военнопленным на острове Кочжедо! В конце концов они находятся за проволокой и безоружны... Память о настоящих методах обращения с военнопленными еще свежа... Не будем оспаривать пальму первенства».

В сущности, в соревновании с надгробными в садистском извержении уже давно «победил» американские фашисты. Они могут повесить себе на шею в качестве приза ордена кавалера, на которой будет написаны слова: «газы, напалм, чума» — немываемый позор уолл-стритовской Америки.

Интервенты стремятся выйти из положения. Но, барахтаясь в трясине, нельзя выбраться из нее. Жестокость нельзя «исправить» новой жестокостью, а старый позор искупить новым. Чума не поможет напалму, Кочжедо ничего не прибавит к чуме, Бутнер не исправит Лоду, Кларк ничего не прибавит к Риджуэю...

Корейская авантюра не случилась для правителя США. Она — часть, звено послевоенного заговора американского фашизма против мира и безопасности. Еще в те дни, когда Советская Армия освобождала корейский народ от японских оккупантов, на Уолл-стрите готовились корейская авантюра.

Ныне многие из гнусных намерений заокеанского денежного мешка стали реальностью. Американские канибалы в дипломатическом и военном обмундировании рвут и топчут Потсдамское соглашение, под которым стоит и подписи США. Возрождаются фашизм и агрессивная армия в Западной Германии. Япония снова пытается превратить в очаг войны на Дальнем Востоке. И вот уже два года, как гремит пушка на далеком Корейском полуострове, полыхает — в какой уже раз! — пыльная напаломо руины.

А корейский народ, его героическая армия вместе с китайскими братьями бьют американских захватчиков, стоят на смерти, отстаивают каждую пядь родной земли.

25 июня трудящиеся всех стран будут отмечать, как день международной солидарности с корейским народом, как день защиты мира.

Простые люди всех стран и континентов знают:

Американский фашистский убийца вышел на дорогу. Он готов на все — грабить, резать, вешать, пытать и убивать людей, отравлять газом, заражать чумой. Надо преградить путь убийце! Надо бороться за мир — ежедневно, ежедневно. Всей своей силой, всей волей!

Простые люди всех стран и континентов также знают:

«Если Англия и Соединенные Штаты Америки, — как говорил И. В. Сталин, — окончательно откажутся от мирных предложений Народного Правительства Китая, то война в Корею может кончиться лишь победением интервентов».

Александр ЧАКОВСКИЙ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 76 (2949) Вторник, 24 июня 1952 г. Цена 40 коп.

Техника коммунизма

Свершилось событие исторического значения: закончились основные работы на строительстве переноса великих строек коммунизма — на канале Волго-Дон. Судя по новой водной магистрали, созданной советскими людьми в немыслимо короткий срок — за два с половиной года.

История гидротехнических сооружений не знает таких высоких темпов. На подобных сооружениях у нас в предвоенные пятилетки затрачивали 5—6 лет, а за рубежом — десятки лет. При сооружении Волго-Донского канала пришлось столкнуться с тяжелыми климатическими и грунтовыми условиями и многими другими трудностями, преодолеть которые в короткий срок было бы невозможно, если бы советская индустрия не вооружила строителей мощной передовой техникой.

Строительные площадки в междуречье Волги и Дона были, по сути дела, гигантской лабораторией, в которой испытывались опытные образцы новых машин. Здесь впервые были испытаны и применены такие машины, как шагающие экскаваторы с ковшем в 14 кубометров, самосвалы грузоподъемностью в 25 тонн, автоматизированные бетонные заводы, скреперы емкостью 10—15 кубометров и др. Здесь выявляли их недостатки и достоинства. Здесь конструкторы новой техники получали многочисленные предложения строителей и затем воплощали их в машинах серийного выпуска. Здесь же обучались кадры механиков, из которых выросли сотни и тысячи замечательных станочников-механиков, мастеров эксплуатации новых машин.

На Волго-Донском канале советская техника выдержала трудный экзамен. Машин повсюду показали высокую производительность, легкость в управлении и надежность в работе. Экскаваторы Воронежского, Ковровского заводов в Ураламаша за все время строительства работали при нормальном техническом уходе безотказно, не требуя ремонта. Мощная техника позволила значительно сократить сроки работ на великой стройке коммунизма.

На очереди — новые, еще более крупные стройки. Среди них Сталинградский магистральный судоходный канал и Главный Туркменский канал. История техники не знает примера такого сложного по своим масштабам и условиям работы строительства, как Главный Туркменский канал. Достаточно сказать, что на Главном Туркменском канале объем работ в двенадцать раз больше, чем на Волго-Доне. Но дело не только в объеме работ. Лишь непосредственное знакомство с природными условиями пустыни Кара-Бумы и трассой канала может дать представление о трудностях, стоящих перед строителями, и о могуществе техники, которая понадобится для того, чтобы осуществить эти великие работы в четыре-пять лет.

Безводная пустыня Кара-Бумы пересечена грядями движущихся песков высотой до 30—40 метров. На Северном участке температура зимой падает до минус 30 градусов, а летом доходит до плюс 60 градусов. Поверхность песка летом нагревается до 80 градусов. Сильные ветры поднимают пыль. В отличие от Волго-Дона, где приходилось иметь дело преимущественно с грунтами песчаными и глинистыми, на Главном Туркменском канале значительную часть земляных работ придется производить в скальных грунтах.

Естественно, что на строительстве Главного Туркменского канала необходимо применять наиболее мощные и эффективные средства механизации и передовые методы работ.

За годы послевоенной пятилетки наша промышленность освоила до тысячи видов машин для земляных и строительных работ. Опыт эксплуатации этих машин на Волго-Доне убеждает, что их производительность может быть увеличена. С помощью самозащисывающей аппаратуры работники науки смогли раскрыть сущность физических процессов, происходящих в работающих машинах, выяснили режимы и напряжения, возникающие в отдельных узлах и деталях. Выявлена, например, и проверена на практике (опыт станочников Д. Быкова, Г. Пархомчука, Н. Шестакова и др.) возможность в полтора-два раза увеличить емкость ковша экскаватора в средних и легких грунтах.

Выпуск ковшей увеличенной емкости для экскаваторного парка Советского Союза позволит дополнительно вынимать в год около 200 млн. кубометров грунта.

На основе изучения процессов разработки грунта представляется возможным значительно повысить мощность машин и снизить количество потребляемой ими энергии. Исследования показали, что 14-кубовый экскаватор в сравнении с машиной, имеющей ковш емкостью в

четверть кубометра, расходует на выемку каждого кубометра грунта на 20—25 процентов меньше электроэнергии. На выемку же, перемещение и разгрузку одного кубометра земли с помощью мощных экскаваторов затрачивается на 70—75 процентов меньше электроэнергии в сравнении с расходом энергии при работе маломощной машины.

Машины большой мощности многократно увеличивают производительность труда и снижают стоимость работ. Выработка на человека в смену при использовании однокубовых экскаваторов, обслуживаемых питонными самосвалами, составляет 25—30 кубометров. При трехкубовых экскаваторах и 25-тонных самосвалах она возрастает до 50—55 кубометров, а при 14-кубовых экскаваторах — до 150 и более кубометров. Стоимость же работ для экскаваторов с ковшем емкостью в 3 кубометра соответственно снижается на 40 процентов, а для экскаваторов «ЭН-14/65» — на 80 процентов.

Эти превосходные на Волго-Доне цифры подтверждают правильность принятого нами машиностроением курса на создание машин большой мощности и высокой производительности.

Увеличение мощности машин может быть, конечно, доведено лишь до известного предела, ограниченного уровнем развития техники. Во всяком случае, в ближайшие годы наше машиностроение может освоить шагающие экскаваторы с ковшем емкостью до 25 или даже 50 кубометров. Такие экскаваторы способны разрабатывать каналы шириной более 200 метров и глубиной до 65 метров. Два таких экскаватора с двумя десятками бульдозеров могли бы в два раза увеличить объем земляных работ, равный объему работ на Волго-Донском соединительном канале.

Одновременно с увеличением мощности и производительности существующего оборудования конструкторы готовят проекты принципиально новых землеройных машин.

Около 40 процентов энергии экскаватора тратится на преодоление сил трения, возникающих между грунтом и стенками ковша. С целью уменьшить затраты энергии конструкторы работают над созданием машины, у которой срезанная стружка земли сразу будет попадать на транспортер и передаваться в отвал. Действие сил трения в этом случае снижается до минимума. Современные машины расходуют значительное количество энергии на разрыхление грунта. Этих затрат энергии также можно избежать, создав машину, которая будет подрезать грунт снизу так, чтобы он сам обваливался в ковш. Если же расположить ножи в машине так, чтобы они обрабатывали нужный откос, и снабдить ее мощными транспортерами, получится настоящий землеройный комбайн, который, двигаясь по трассе, будет оставлять за собой готовый канал.

Более половины всей энергии, затрачиваемой на производство земляных работ, расходуются на транспортировку грунта. Хорошим средством для уменьшения этих затрат является гидротранспорт грунта: грунт, падающий из ковша экскаватора, поступает в специальные лотки и по ним уносится водой в отвалы.

Инженер В. Смирнов предложил конструкцию машины прицельного метания. Идея конструкции заключается в том, что струя земли из бункера землеройного агрегата падает на транспортер, лента которого движется с огромной скоростью — 70 километров в час. Это дает возможность отбросить грунт на расстояние до 50 метров. Создание землеройных машин, работающих по принципу обрушения и прицельного метания грунта, откроет новую страницу в развитии нашей строительной техники.

На стройках ближайших лет основные работы будут выполнены машинами, освоенными при сооружении Волго-Дона. Однако конструкции этих машин придется изменить применительно к условиям Сталинградского и Главного Туркменского каналов. Так, например, из-за недостатка электроэнергии в зоне пустыни шагающие экскаваторы с ковшем емкостью 4 кубометра будут снабжены дизельэлектрическим приводом.

Все двигатели внутреннего сгорания и все механизмы надо приспособить к условиям песчаных бурь и жары. Машины будут окрашены в светлые тона для уменьшения температуры кабин, двигателей и механизмов. Будут предусмотрены герметизация и уплотнение контрольно-измерительных приборов, трущихся частей, усиленное охлаждение двигателей. Отправка в

адер Главного Туркменского канала обычных серийных, не приспособленных к работе в пустыне машин неизбежно приведет к быстрому выходу их из строя. Этого не следует забывать поставщикам оборудования.

Опыт Волго-Дона показывает, что особенно важно своевременно создать надежную ремонтную базу. На центральном ремонтном заводе необходимо иметь литейный цех с электропечью, несколько крупных станков и кузнечный молот на три-четыре тонны. Без такого оборудования неизбежны длительные простои машин. В пустыне не обойтись без подвижных, хорошо организованных ремонтных мастерских. Они должны располагать переносными электростанциями, специальными закрытыми палатками для осмотра и мойки машин, заправочными станциями и вагонами или палатками для обслуживающего персонала. Передвижная ремонтная мастерская в условиях пустыни — это большой отряд автомашин, отличающихся маневренностью и высокой производительностью. Комитет содействия великим стройкам при Академии наук СССР разработал технические условия для таких подвижных мастерских. От Министерства автомобильного транспорта РСФСР зависят теперь сроки изготовления этих мастерских. Чем быстрее будут они изготовлены, тем лучше будут использоваться механизмы на трассе Главного Туркменского канала.

Есть еще несколько неразрешенных вопросов, которые в свое время немало потрудились строители Волго-Дона. Министерство химической промышленности СССР, например, до сих пор не поставило фрикционные материалы для муфт и тормозов шагающих экскаваторов Новокраматорского завода такого низкого качества, что изготовленные из них детали служат пока что не более 10—12 дней. Серьезные претензии предъявляют строители и к конструкторам электроприводов этих же экскаваторов. Пора уже признать, что схема электропривода выбрана неудачно. Следует заменить его зарекомендовавшим себя приводом, применяемым на экскаваторах Ураламаша. Серьезные задачи по совершенствованию конструкции самосвалов поставлены строителями и перед Министерством автомобильной и тракторной промышленности СССР. Великим стройкам нужен надежно работающий десятилитровый дизельный самосвал.

Механизация труда по основным работам на Волго-Доне была осуществлена на 99,5 процента. Это небывалый еще в практике строительства показатель. Необходимо, однако, учитывать масштабы великих строек, заняться механизацией всех вспомогательных работ. Затраты труда на эти работы еще велики. В частности много времени отнимает перекладка пуповодов, из-за чего простояют мощные землессосные снаряды; медленно переставляются транспортеры, с большими затратами труда работая маленькими котлованами.

Почти два года прошло уже с момента опубликования постановления Совета Министров СССР о строительстве Главного Туркменского канала, но подготовительные работы развешиваются недостаточно быстро. На канале предстоит в сжатые сроки продолжить автомобильную дорогу вдоль всей трассы, обеспечить водоснабжение, построить ремонтные заводы и базы. Опыт Волго-Донстроя показал, что даже в условиях степи, более благоприятных, чем в пустыне, отсутствие дорог приводит к чрезвычайно быстрому износу и выходу из строя строительной техники. Этот опыт нужно обязательно иметь в виду строителям Главного Туркменского канала. Лишь при скоростных методах постройки дорог одновременно из нескольких пунктов канала и при своевременной организации водоснабжения можно обеспечить полное окончание всех подготовительных работ в заданный срок и высокие темпы строительства основных объектов.

Так же, как в свое время на Волго-Доне, так и на Сталинградском магистральном и Главном Туркменском каналах будут испытаны новейшие машины, в частности — землеройные комбайны, металлические машины для транспортировки грунта, новые землессосы производительностью 1,5 тысячи кубических метров в час с дизельным приводом.

Новое оборудование, освоенное в условиях Главного Туркменского канала, в свою очередь будет основным при производстве новых, еще более грандиозных сооружений. Техника, созданная нашими машиностроителями, обеспечит реальную помощь при решении важнейших проблем преобразования природы.

Воодушевленные величественным сталинским планом преобразования природы, советские инженеры, конструкторы и ученые вместе с новаторами производства в ближайшие годы создадут новые, еще более производительные, совершенные машины, достойные эпохи коммунизма.

Символ братства

НАЧАЛОСЬ СООРУЖЕНИЕ ФУНДАМЕНТА ДВОРЦА КУЛЬТУРЫ И НАУКИ В ВАРШАВЕ

У входа в небольшой дом, расположенный в одном из тихих переулков Москвы, появилась вывеска: «Управление строительством Дворца культуры и науки Московского отделения».

Это — отделение штаба стройки варшавского Дворца культуры и науки, самого грандиозного здания, сооружаемого в польской столице. В этом здании разместятся: Академия наук Польской республики с ее многочисленными институтами, отделенными, научными кабинетами, лабораториями, аудиториями, библиотеками и громадным залом конгрессов; Общество по распространению политических и научных знаний; музейные и выставочные залы; драматический театр; два кинотеатра; концертный и лекционный залы; книгохранилище. Два крыла здания предоставляются юным гражданам Варшавы. Будут созданы детские и юношеский театры, технические станции и кабинеты, гимнастические залы, бассейны для плавания, комнаты для игр, зал-аквариум, зимний сад... Здание будет оснащено скоростными лифтами, установками для кондиционирования воздуха, автоматическими установками для регулирования систем отопления, вентиляции и водоснабжения, телефонной станцией.

История не знает примера строительства такого дворца, как не знает другая, когда один народ преподносит народу другой страны дворец в знак вечной дружбы и братского мирного сотрудничества. Варшавский дворец будет, как известно, целиком построен из советских материалов и конструкций.

— На строительство поступило уже несколько тысяч вагонов материалов и оборудования, — сообщил корреспонденту «Литературной газеты» в московском отделении управления строительством. — В Варшаву прибыли из СССР экскаваторы, бульдозеры, самосвалы, тракторы, краны, транспортеры, бетономешалки, растворососы, сварочные агрегаты, металлические конструкции, лесоматериалы, стандартные дома, электротехническое оборудование, запасные части механизмов. На производственно-складскую базу строительства из крупнейших наших промышленных центров ежедневно приходит десятки вагонов с различными грузами. В ближайшее время этот поток еще больше возрастет.

Как сообщалось, дворец будет строиться силами советских инженеров, рабочих и техников. В Варшаву едут квалифицированные мастера, многие знакомы с опытом строительства высотных зданий в Москве и крупнейших индустриальных сооружений. Среди них — верхолазы Москвы, машиностроители Южного Урала, каменички Украины, бетонщики, арматурщики, плотники, электромонтеры, монтажники, слесари, фрезеровщики. Многие уже уехали на стройку, другие готовятся к отъезду.

На строительные площадки в Варшаву — горячая пора. Для современной крупной стройки требуется большое количество подручных предприятий. Они уже сооружаются — склады металлоконструкций, деревообделочной, ремонтно-механической и арматурной цехи, гараж на 400 машин, специализированные мастерские. Все это — предприятия, оснащенные самой передовой советской техникой. Так, автоматизированный бетоно-растворный завод будет выдавать в сутки до тысячи кубометров бетона и раствора.

Рядом с базой создается жилой поселок для строителей. В нем будет сто шестьдесят зданий, собранных из узлов и деталей, изготовленных Витебским, Костопольским и другими домостроительными комбинатами. Строится магазин, клуб, кинотеатр, баня и прачечная, поликлиника, амбулатория.

— Какие работы ведутся непосредственно на строительной площадке в Варшаве? На этот вопрос корреспондент «Литературной газеты» в московском отделении управления строительством сообщил, что с площадки убирается непромокаемая каменистая земля, оставшаяся от разрушенных гитлеровских зданий. Работы ведутся с помощью мощных советских экскаваторов. Одновременно начато сооружение фундаментов под высотную часть.

Издание книг белорусских писателей в странах народной демократии

МИНСК. (Наш корр.). Крепкая творческая дружба установилась за последние годы между писателями Белоруссии и стран народной демократии. Румынский литератор Николай Морару, вместе со своими друзьями писателями Минска, рассказывал:

— Писатели в Румынии не было такого интереса к жизни и культуре народов Советского Союза, как сейчас. Книжки советских писателей — нарастают, их читают не только в переводах на румынский язык, но и в подлиннике. Русский язык стал доступным и известным самым широким массам трудящихся. Большой популярностью в Румынии пользуются произведения русских, белорусских, украинских, грузинских и других писателей.

Глубокий интерес вызывают произведения белорусских писателей и в других странах народной демократии. В Варшаве издаются сборники рассказов Я. Коласа и М. Лынькова. Часто переводятся на польский язык стихи Я. Куналы, П. Бровки, М. Танка, А. Кулешова и других поэтов. В Праге на чешском языке издаются повесть белорусского прозаика Т. Холкевича и другие произведения писателей БССР. На китайском языке вышли сборники стихов Я. Куналы, Я. Журналя, П. Польши, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании и других стран опубликованы статьи о современной белорусской литературе, даны творческие портреты лучших писателей Белоруссии.

В свою очередь белорусские писатели работают над переводами произведений писателей стран народной демократии. Много делает для широкой популяризации их творчества белорусский литературно-художественный журнал «Полымя». Недавно в пятой книжке журнала за 1952 год напечатан большой цикл стихов польских поэтов в переводе на белорусский язык: М. Танк перевел либретто оперы польского композитора С. Монюшко «Страшный замок», которая с успехом сейчас идет на сцене оперного театра в Минске.

Памяти Н. П. Брюллова

Вчера Советская страна отменила 100-летие со дня смерти крупнейшего художника-реалиста К. П. Брюллова.

Президиум Академии художеств СССР провел научное заседание, посвященное его памяти. Заседание открыл президент академии А. Герасимов. С докладом выступил Н. Машковцев, отметивший, что в творчестве К. П. Брюллова воплощены лучшие черты передовой русской культуры. Советский народ по праву гордится искусством замечательного художника.

„ПРОЧИЕ“ ОБЪЕКТЫ

Р. ЛАРИНА

Богда Павлович Сергееву Рюмкину, врачу на строительстве Куйбышевской ГЭС, спрашивают, скоро ли здесь появятся детские сады и ясли, она удивляется:

— То есть как появится? Уже выстроены. В Комсомольском районе сто малышей размещены в яслях. Открываются детские сады в Ставровской и Портеновской районах. Два десятка яслей будут в Жигулевском районе. Это только начало...

Здание детского сада было одним из первых в городе Таши-Таш, где живут строители Главного Туркменского канала. Детскому саду отдал этаж в одном из первых жилых домов Сталинградской ГЭС в поселке Верхняя Ахтуба. Ясли и два десятка поднимаются сейчас в Каховке...

Детские учреждения — «роетки коммунизма», по определению В. И. Ленина, завоевали величайшую любовь и доверие у советских женщин. Больше двух миллионов ребятшек растут, играют, радуются, смеются, поют, спокойно спят в детских учреждениях, построенных для них государством.

Наше государство не жалеет средств на хороший уход за детьми. Товарищ Сталин говорит: «Я думаю, что нигде нет такой заботы о ребенке, о его воспитании и развитии, как у нас, в Советском Союзе».

В нынешнем году еще девять тысяч детей должны быть приняты во вновь открывающиеся детские сады и ясли. И это только на предприятиях и новостройках.

Сотни миллионов рублей советское правительство отпускает на эти цели. Затраты на светлое здание детского учреждения стоят в планах развития народного хозяйства рядом с ассигновками на новые промышленные гиганты, на высотные дома, на гидроэлектростанции.

Мы много строим для детей. Но можем строить значительно больше.

К сожалению, далеко не всюду и везде используются эти возможности: не все министерства выполняют планы строительства детских учреждений, и миллионы рублей, ассигнованные на эти цели, из года в год остаются неиспользованными.

Министерство пищевой промышленности СССР в прошлом году обязано было построить 36 детских садов и яслей, а построило только восемь. Не лучше идут дела и в нынешнем году.

Одесский завод «Большевик» должен в ближайшие месяцы открыть ясли. Но вместо развертывания работ на строительной площадке развернута оживленная перепалка в учреждениях и ведомствах. Директор завода пишет в Москву, в Главгав. Главгав обращается в министерство. Оно ждет ответа от Управления по делам архитектуры при Совете Министров УССР. Все прошедшие полгода ответственные руководители потратили на «согласование» и «разрешение вопроса».

А ведь в Министерстве пищевой промышленности умеют быстро и хорошо строить предприятия и жилые дома. Находятся для этого и материалы и рабочая сила. Почему же руководители министерства, и в первую очередь заместитель министра тов. Новский, оказываются столь беспомощными, когда речь идет о строительстве — давно — запланированных двух-трех десятков небольших домиков для детей?

Благими намерениями были преисполнены руководители Министерства угольной промышленности СССР, запланировавшие построить в прошлом году новые детские сады и ясли для одиннадцати с половиной тысяч ребят. Намерения эти в значительной степени остались неосуществленными: шахтеры получили возможность устроить только семь тысяч детей.

В городе Сталино на строительство детского сада шахты № 5/6 имени Калининна два года назад было отпущено 330 тысяч рублей. Работу полагалось завершить в третьем квартале 1950 года. Трест «Сталиншахтостановление», израсходовав по-

ловину денег, строительство бросил. И хотя в следующем, 1951, году и в нынешнем на эту постройку неизменно ассигновали по 200 тысяч рублей, хотя уже трижды менялось руководство трестом, — ни здесь, ни в министерстве о детском саде не вспоминали. За это время построенный «объект» превратился в полуразрушенный, и в тресте «Сталиншахтострой», куда перешли сейчас эти заботы, теперь прикидывают, что выгоднее: отремонтировать разваливающийся «полуобъект» или снести его и начать строительство заново... Похожая история произошла на стройке детских яслей шахты № 7/8.

Еще тревожное положение в Министерстве промышленности строительных материалов СССР. Чем министр тов. Юдин сможет объяснить тот факт, что план строительства детских учреждений в 1951 году был выполнен министерством лишь на двадцать процентов?

В системе этого министерства есть руководимый тов. Боловиновым Главвостокцемент, добившийся своеобразного «рекорда»: 7,5 процента плана — таковы трехмесячные итоги строительства детских садов на Красноярском и Чернореченском цементных заводах.

Работницы Енакиевского цементного завода вот уже три года ждут, когда откроются детские ясли. Но, очевидно, и здесь начальники Главгав. Главгав и директор завода тов. Берестовый отнесли стройку к разряду «прочих», маловажных объектов. Только поэтому к сроку окончания строительства — к июню нынешнего года — не уложен даже первый кирпич...

Четырнадцать садов и яслей должно быть построено в этом году Министерством легкой промышленности РСФСР. Но на пяти из них до сих пор не начались строительные работы. Даже Министерство легкой промышленности СССР, где создано специальное Управление детских учреждений, где коллегия министерства не раз обсуждала ход строительства детских садов и яслей, признавая их первоочередными стройками, план строительства яслей выполнило в прошлом году лишь наполовину.

За последние годы скоростные методы строительства стали в нашей стране повседневным явлением. И лишь детские учреждения строятся не скоростными, а, наоборот, очень замедленными темпами.

Покажу, наиболее характерный в этом отношении пример: дает Министерство торговли СССР. Двенадцать лет назад состоялось первое решение министерства о строительстве детского сада в Москве по Большому Фабричному переулку. Заложили фундамент, возвели стены первого этажа...

Через десять лет министерство вспомнило о заброшенном здании и поручило его достроить московской конторе «Гастроном». Начальник Главгав тов. Энергов немедленно издал строгий приказ за № 164, где было указано «срочно» и «представить», и «возложить личную ответственность и контроль за выполнением», а также: «о ходе строительства детского сада докладывать мне каждые пять дней»... Но едва успели привести на площадку первую машину кирпича, как заместитель министра тов. Горлов снял ассигнованные средства, и строительство было законсервировано.

В нынешнем году министерство в третий раз решило вернуться к этому многострадальному дому. Но тов. Горлов оказалось невозможным — он окончательно отказался достраивать детский сад...

Пока собирались открыть у нас детский садик, мой Горюк успел вырасти, пойти в школу и теперь перешел в седьмой класс, — с горькой иронией заметила в беседе с нами одна из сотрудниц конторы «Гастроном».

В Харькове в нынешнем году должно быть построено двенадцать детских садов и примерно столько же яслей. За прошедшие пять месяцев план по сооружению садов выполнен на шесть с половиной процентов (!), яслей — на двенадцать с половиной. Но в начале мая треста «Южгострой» тов. Краснопольского до сих пор не открыты детские учреждения на заводе аэстроинструментостроения, на станкозаводе. Стройтрест № 86, руководимый тов. Солонковым, систематически срывает план ввода детских учреждений для харьковских предприятий, никак не может начать постройку... своего собственного детского сада.

Фрунзенский райисполком Москвы должен был открыть ясли в Пугачовском переулке еще в ноябре прошлого года — не открыл. Перенесли сроки окончания строительства на март — не построил. Теперь назначен новый срок...

Пока на комбинате Трехгорной мануфактуры восстанавливается двухэтажный домик детского сада, в Москве успели возвести гигантский дворец науки на Ленинских горах, пустили в эксплуатацию новые станции метрополитена, воздвигли сотни новых зданий!

В чем же причина срыва и затягивания строительства детских учреждений? В министерствах, Главгав, в райисполкомах, на стройках — повсюду находят причины: одни объясняют отставание от графика недостатком рабочей силы, другие говорят, что много времени уходит на то, чтобы «привлечь типовой проект к участку», и т. д.

Но главная причина заключается в том, что некоторые министерства и руководители ряда предприятий безответственно относятся к строительству детских учреждений, считая его делом второстепенным.

Совет Министров Украины три года назад вынес постановление, обязывающее в новых больших домах выделять пять процентов площади для детских учреждений. Городским управлением по делам архитектуры запрещалось утверждать проекты, где нарушено это требование. А недавно главный архитектор Харькова тов. Крыжин сообщил в отдел народного образования, что из 38 крупных зданий, строящихся в Харькове, только в восьми запланированы детские учреждения. Постановление нарушается с ведома главного архитектора города...

В каждом министерстве, райисполкоме есть планы строительства детских учреждений. Есть бюджетные ассигнования. Есть люди, которые обязаны отвечать за ход строительства. Есть жилищно-бытовой отдел ВЦСПС и центральные комитеты профсоюзов, которые призваны осуществлять строгий контроль за выполнением этих планов. Но всему этому не хватает, видимо, одного — настоящего беспомощства за порученное дело.

С какой ответственностью следят и директор завода, и начальник Главгав, и министр за строительством нового завода, за сроками ввода в эксплуатацию нового жилого дома! Почему же руководители иных ведомств и организаций с такой легкостью позволяют себе срывать планы строительства новых детских садов и яслей, которых так ждут многие матери-труженицы?

Ни одна страна в мире не делает для блага народа столько, сколько делает наша страна. Ни одно государство в мире не создает таких прекрасных условий для детей, для их радости и счастья, как наше государство.

Самая жизнь требует, чтобы о строительстве детских учреждений заболели, как о деле первоочередной государственной важности. И этим требованием жизни невозможно пренебречь никому — ни директору завода, ни начальнику Главгав, ни, тем более, министру и его заместителям.

Монумент основателю Москвы

В просторной мастерской скульптора С. Орлова в Москве в эти дни завершается создание монумента Юрию Долгорукому, изготовлявшая широкий орнаментальный пояс памятника. Испоконная фигура всадника уже вышла из-под сводов мастерской, на Мытищинской скульптурно-художественной фабрике № 3 она получает новую жизнь в бронзе.

Сооружение памятника, который, как известно, будет воздвигнут против здания Московского Совета, представляет собой немалые трудности. Крупнейшие наши памятники создавались преимущественно на Ленинградском заводе «Монументскульптура». Памятник Юрию Долгорукому решено было отлить в Мытищах, под Москвой, чтобы дать возможность скульптору установить самую тесную творческую связь с мастерами-производителями.

Коллективу Мытищинской фабрики впервые пришлось взяться за изготовление монумента таких больших размеров. Вместо широкого распределенной кусковой формовки в землю на фабрике под наблюдением одного из старейших в стране, 72-летнего любимого мастера Г. Савинского и начальника опытного цеха П. Новоселова начали производить отливку блоков памятника по восточным моделям. Это позволяет отливать статую большими блоками, гарантирует высокое качество, дает возможность более тщательно передать в бронзе замысел скульптора.

Для отливки памятника на фабрике построен специальный агрегат, представляющий собой три печи — сушильную, обжиговую и две плавильные. Трудится над созданием памятника большой коллектив — формовщики по воску, формовщики, чеканщики, обжигальщики, плавильщики, обрубщики, талочники, слесари — более шестидесяти человек. Особенно хорошо работают в эти дни бригады чеканщиков Н. Кузнецова и А. Горбунова.

Сейчас отлита в бронзе верхняя часть фигуры основателя Москвы. Вазу предельно мужественной народной красоты. Работа идет быстрыми темпами — коллектив фабрики обязался полностью закончить монумент в начале августа.

Скульптор Юрий Долгорукий, восседающий на боевом коне, олетый в кольчугу, займет свое место на гранитном постаменте, обрамленном широким мозаичным ковром, который раскинется на Советской площади.

Читатели пишут Почетное дело Артемия Захарова

Старый железнодорожник Артемий Кондратьевич Захаров двенадцатидесять лет работает агитатором паровозного узла Рубцовского железнодорожного узла Туркестанско-Сибирской дороги. Ему уже 67 лет, он пенсионер, но не оставляет этой почетной работы.

У нас давно знают его как кинголоба, страстного пропагандиста советской литературы. В 1935 году, когда А. Захаров перешел на пенсию, он затосковал по семье паровозников и решил непременно найти способ сохранить с ними постоянную связь. Однажды, захватив с собой роман Николая Островского «Как закалялась сталь», он отправился в шах к молодежи и в обеденный перерыв устроил громкую читку. Здесь он нашел самый сердечный прием. С каждым днем круг участников читки стал увеличиваться.

За три последних года А. Захаров прочитал рабочим дело 64 книги. Среди них романы «Сталь и шпала» В. Попова, «Земля Кузнецкая» А. Володина, «Далеко от Москвы» В. Ажеева, «Сын рыбака» В. Лаша, «Жатва» Г. Николаева, «Амур-бабушка» И. Задорнова. А такие произведения, как «Василий Теркин» А. Твардовского и «Чайка» Н. Бирюкова, ему пришлось читать несколько раз.

А. К. Захаров награжден знаком «Почетный железнодорожник» и знаком «Ударнику сталинского призыва».

Р. С. ВАРВА, инструктор политотдела Рубцовского отделения Туркестанско-Сибирской ж. д. Станция РВБЛЕВКА

ФЕЛЬЕТОН Мы переслали ваше письмо...

Трудно сейчас бюрократу. Главное, никак не предусмотреть, откуда горит гранит. Ну, скажем, пришла к тебе просительница, по виду — абсолютно безответное существо. Но попробуй, прикрикни на нее, и завтра же можешь хлопот не обобраться. То сама она на тебя пожалует, то кто-нибудь посторонний за нее заступится. Уж, казалось бы, постороннему — какое дело? Ах, нет...

Недавно мне довелось побывать на приеме у одного начальника. По должности он два раза в неделю проводил прием посетителей, причем в его ведомстве строго-настрого наблюдали за тем, чтобы нарушитель приема не было.

Когда я вошел к нему в кабинет, он вежливо встал из-за своего стола. Кабинет был большой, от двери до стола метров пятнадцать, и хотя я прихрамываю, пришлось мне потопотряться — он все стоял.

Еще у порога я понял, как он занят. Я подумал, что он мне предлагает сесть. Но он этого не сделал. А чтобы мне не вздумалось сесть без приглашения, он и сам не садился. Наоборот, оперся костями на пальцы о стол и начал нудно расквашиваться:

— Слушаю вас. Однако слушал он не меня, а включенный на полную мощность радиоприемник, откуда несся голос комментатора с футбольного состязания: «Удар! Еще удар! Мяч уходит на свободный...»

От такого приема у меня сразу вылетела из головы половина слов, с которыми я пришел. Вторую половину заглушил радиоприемник...

Впрочем, я мог бы вообще ничего не говорить. Дело мое, оказавшись, было направлено в другое, неизвестное мне учреждение.

— Но ведь мой вопрос должны решить вы! — сказал я.

Начальник что-то пробормотал, прислушиваясь к голосу из радиоприемника, и пожал плечами.

Так я и ушел не солоно хлебавши. Однако возразить не мог: начальство меня приняло. И в назначенный час. И даже стояло передо мной во время всего приема...

Все меньше становится надутых от сознания собственного величия шедрихских бюрократов. Нынешний бюрократ трусливее, вежливее. И — осторожнее. Он не сунет «дело» в долгие ящики своего стола. Первым делом он попытается переинтерпретировать его в ящик чужого стола: «Я — что! «Дело» у меня!»

Вот несколько писем. Все они попали в «Книгу — почтой», хотя были адресованы совсем не туда.

Письмо первое. Пишет главный агроном полтавской конторы Глазгавотсортзерна тов. Чумаченко директору Научно-исследовательского института зерна Министерства заготовок СССР (таким является тов. Козымина).

«Я хочу в этом году организовать научно-исследовательскую работу на заготовительных пунктах нашей области по вопросам хранения сортового посевного зерна. С чего мне лучше начать, какие поставить опыты? Методика их проведения? Убедительно прошу вас сообщить перечень литературы по хранению зерна вообще и семенного в частности».

Не знаю, дошло ли письмо до тов. Козымина, зато, вообще говоря, почему бы ей не позабиться о том, чтобы письма такого рода непременно докладывались ей? Трофим Денисович Лысенко, например, такие письма непременно читает лично и лично же на них отвечает. Минутки и Вильямс тоже находили время отвечать лично на такие письма — они радовались им.

Но в Институте зерна не обрадовались запросу тов. Чумаченко — лишние хлопоты! И письмо незамедлительно было «перешрено» в... «Книгу — почтой». Ах, как поддела товарища Чумаченко неосторожная фраза о «перечне литературы!»

Тов. Ковтун из Сталинска Кемеровской области огорчен безудачным результатом Архангельского лесотехнического института, куда он обращался за советом, как ему проводить дальнейшие опыты по прививке кедров на сосну, но не получил ответа. Тов. Ковтун решил написать в «Сельхозгиз»: «Может, вы мне поможете, дорогие товарищи москвичи?» И объясняет: «В условиях предгорий Алтая, где я провожу опыты, прививка кедров на сосну приживается и растет два года, а потом засыхает и погибает... В чем ошибка — не знаю... А у меня мечта: моя родина — самая богатая хвойными лесами страна, и эти леса должны давать нам ореховое масло по самой дешевой цене в мире...»

Попутно тов. Ковтун сообщил, что сам он — участник двух войн, инвалид второй группы. «Мне не хватает настоящей моральной помощи от ученых... С нетерпением жду срочного ответа — весна пришла, в июне надо опять производить эксперименты!»

Однако в Сельхозгизе никого не возмущало ни то, почему тов. Ковтун преследует неудачи в его опытах по переладке природы, ни то, почему лесотехнический молчаливец из Архангельска ранил души к бедам опытного новатора. Письмо попало к бедам опытного новатора — секретарю издательства, ответственной за письма. Она резво подчеркнула красным карандашом, доверившись ей в издательстве, только одну фразу в письме: «Вышлите мне учебник по лесоводству «Хвойные леса», — и заглава письмо в «Книгу — почтой».

Дорофей Макарович Ковтун обратился за помощью к «дорогим товарищам москвичам». Откуда ему было знать, что право разработать от их имени переделку в Сельхозгизе молодой колхознице, которой никто к тому же не объяснил, что письмо — это не бумажка, а прежде всего — живой человек, написавший его.

Наконец, третье письмо: «В редакцию журнала «Пчеловодство». Прошу разъяснить, — пишет бухгалтер сельхозотдела, Салаватского района, Башкирской АССР, тов. Кулиманов. — Во время выставки пчел из зимовника в 1951 году меня укусила в голову пчела, после чего у меня началось сердечное, головноекружение (вплоть до потери сознания), тошнота. От чего это может быть? Жду ответа через журнал «Пчеловодство».

И опять подчеркнута одна фраза: «Жду ответа через журнал...» (Это в редакции подчеркнули). А раз так — в «Книгу — почтой!» Пусть высылают тов. Кулиманову журнал! Очень может быть, что тов. Кулиманову даже отравили при этом великое извещении: «Мы переслали ваше письмо туда-то и туда-то... Но вряд ли ему стало от этого менее тошно. Скорее — наоборот».

Товарищ из книготоргующей организации «Книга — почтой», который переслал нам все эти письма, стоит на той точке зрения, что факты бюрократического отношения к письмам подлежат широкой огласке и общественному осуждению, хотя по штату ему вроде бы и нечего вмешиваться во все это. Соответствующие официальные организации за соответствующими официальными подписями просили его выслать перечень литературы по хранению зерна, книгу «Хвойные леса» и журнал «Пчеловодство» — и сделал бы свое дело! Но товарищ считает, что он поступил бы не по-советски, не увадивший в письма, которые ему направляли. И нам кажется, что он совершенно прав. Именно поэтому мы и утверждаем: трудно сейчас бюрократу: спихнешь с себя кое-какое дело — уж наверняка спихнешь! — а глядишь — оно вновь тебя рикшетом по лбу. И ничто при этом не спасает: ни то, что ты не замаривал у себя письмо, а немедленно направил его в «Книгу — почтой», ни то, что ты извещал адресата о пересылке его запроса туда-то и туда-то, ни даже то, что ты стоишь перед посетителем, когда он пришел к тебе на прием. Ничто!

Потому бюрократу трудно. Нет спокойствия, нет уверенности в безнаказанности. Очень трудно!

Руд. БЕРШАДСКИЙ

У каховских строителей

Юр. КОРОЛЬКОВ

Пароход шел к морю вниз по Днепру — на Запорожье, Каховку, Херсон. Дальних пассажиров было не так много, вахты плавовали, а на палубе находились только местные, плавующие на близкое расстояние.

Люди сидели на ящиках, на узлах, либо прямо на отшлифованной ногами железной палубе, подстелив коврики. Время коротало за разговорами, и беседы не прекращались здесь круглыми сутками. Они собеседники, прощаясь, выходили на ближайшую пристань, другие садились на их места, включались в давно, может быть, еще с Биева, начатый разговор.

Из пассажиров только двое, очевидно, муж и жена, составляли исключение — вторые сутки плыли они на пароходе и не покидали палубы. Были они сравнительно молоды. Женщине — лет около тридцати. Муж ее выглядел старше. Впрочем, это могло только казаться: за дорогу он густо оброс колючей щетиной. Перебравшись от куда-то со всеми пожитками, даже с цинковым корытком, неплотно завернутым в стоговое одеяло.

Как-то под утро, когда не хотелось спать, и вышел на нижнюю палубу. Беседа текла своим чередом. На этот раз в центре внимания был покойный человек в брезентовом пальтишке и выгоревшей военной фуражке.

— В Каховку, стало быть, путь держите, — говорил он, обращаясь к пассажиру, склавшему вторые сутки. — Видать, не вербованный, а самотеком плывете.

— А ты почем знаешь? Может, вербованный...

— Нет, — уверенно возражал человек в пальтишке, — за свои деньги, вижу, едешь. Вербованный на палубе не поехал бы. Им классные места дают... Специальность-то у тебя какая?

— Плотник я. К штурину в гости едем. — Дальний пассажир кивнул на спящую женщину. — Брат ее родной там бригадиром работает.

— Все бы по гостям с корытками ездили — причисляешь возразил собеседник. — Говори прямо: сперва осмотришься хочешь, перед тем как корни пускать. Все знаю, посмотрелся я, сам в экспедиции работаю — у

геологов. Самого раздуть брадо — как никак, а семья... — Кто знает, — уклончиво сказал дальний пассажир. — Посмотрю, глядишь, и останусь, ребятшек выпущу, а пока в гости...

Другие не вмешивались в короткий разговор. Рассказчик встал, взял свой баульчик. — Никак светает, — сказал он, — пойти наверх, что ли, на Днепр глянуть... Рассвет еще не наступил, но Днепр, как и край неба, был светел. Пароход, обгоняя течение, шел вдоль высокого правого берега. Вода достигала к самой кромке зеленого обрыва — еще каких-нибудь десятков сантиметров, и Днепр затопит луговину до самых холмов, неясно маячащих в туманной дымке. Казалось, что волна, поднятая пароходом, может вытеснить реку из берегов.

Люди стояли молча, любясь наступающим утром. Молчание прервал человек в брезентовом пальтишке... По непонятной сперва ассоциации он вдруг заговорил о совершенно посторонних вещах.

— Раз плыл я так же вот по Днепру и познакомился с одним старичком. Любопытный был человек. Б сыну на побывку ехал, а сам на курорте в Одессе садничком работал. Он и рассказывал, правда или нет, не знаю: есть такое растение алоэ, стелющийся, по-нашему. Много лет оно в себе силу копит, а как накопит, сразу стебель выбрасывает... За день либо за два стебель по какой вырастает... Я к чему говорю — работаем мы в экспедиции с геологами, земло бурим. На южном канале, если сложить все скважины за год, ни мало ни много больше ста верст пробурим. Это сказать легко, а бурить приходится по вертикали да по сантиметрам. Ни, выходит, вроде как сиз набираться. Сейчас что в Каховке, что на канале, будто ничего и не видно, а гляньте, машин сколько гонят, техники разной, материалов — сила...

Прошло еще немного времени, и над степью поднялось солнце. Вместе с восходом будто преобразились берега и сама река. Занеслись, засыпались деревья и травы, открытые калымаи ночного дождя, сербистыми бликами заиграли воды Днепра.

Берега раздвинулись, отодвинулись, волна стала шире, круче. Пассажиры нетерпеливо смотрели вперед, пытались разглядеть гребень днепровской плотины, в которой

мы приближались. Но никто на палубе даже не вспомнил, не обратил внимания, что пароход спокойно прошел над грозными когда-то порогами, миновал скалистый Ненайсцец, погребенный теперь под водой.

Пароход зашел в порт Ленина, высидели пассажиров, принял на борт друзей, вошел в гигантский шлюз, спустился по водным ступенькам на тридцать шесть метров вниз, и миновал Запорожье, двинулся дальше к морю, на Каховку, Херсон. С палубы пассажиры любовались днепровской плотинной, глядели, как река, буря, вырывалась из-под здания ГЭС. Но все это уже было обычным, как днепровский пейзаж.

То, что здесь, в среднем течении Днепра, советские люди когда-то покорили стили, преобразовали природу, сделали реку сухоходной, никого уже не удивляло, было в порядке вещей, само собой разумеющимся делом.

На следующее утро пароход причалал к пристани с надписью на дебаркадере «Новая Каховка».

Год назад здесь были только пески, виноградник да поселок в несколько хат, прилепившихся к берегу Днепра. А теперь здесь самый настоящий город. Правда, еще не совсем благоустроенный, с неустроенными бытом, но растущий, с широкими мощеными улицами, с сотнями новых домов и десятками законченных фундаментов, на которых тоже скоро вырастут дома социалистического города, с дворцом культуры, с кинотеатром, банями, прачечной, летним театром, детскими садами, яслями, больницей и средними школами. Белые хаты, как агнята в стаде, теперь затерялись среди складов и новых зданий, а виноградные лозы можно было обнаружить и в палисадниках коттеджей, и около подzemных канав, и на улице... Город начали строить на виноградных плантациях.

Старожилы помнят — в прошлом году 14 мая начали ставить первый сборный домик. Доставить его машиной по зыбучим пескам не было никакой возможности. Косыки, стены, рамы тащили на гусеничном тракторе. Транспортников первого домика занимался Константин Филиппович Чернов. Сейчас руководит он сборкой первого пятиэтажного элеватора на каховском строительстве.

Большой город соорудили на месте будущей стройки. Это говорит о многом и прежде всего о том, что строители наши давно перестали носить кличку сезонников. На каждой стройке оседают они крепко и надолго. Говорят это и о новом социалистическом быте рабочих-строителей, которые стали работниками индустриального труда.

В камнате главного архитектора строительства висит на стене перспективный проект будущего города — Новая Каховка. Вычерчивали его, видимо, года полтора тому назад. Проект еще не осуществлен полностью, но все же многие строители уже влият на проект свои жилища, в которых они поселились, проект свободно может уже служить наиболее точным планом Новой Каховки, он может быть замечательной иллюстрацией того, как в наши дни стираются грани между сегодня и завтра, между настоящим и будущим.

Город продолжает расти, растет не по дням, а буквально по часам. Мы поселились в новеньком, еще не сланном домике, веранда которого обращена была в открытую степь. К вечеру я видел, как приплыл к дому бульдозеры расчищать площадку, а с утра каменщики начали класть фундамент. Через день напротив нашей веранды стал расти целый рядок строящихся коттеджей — с одного конца поднимались стены собранных домиков, с другого рыли котлованы. Работа шла поточным методом.

На Днепре, как и на других стройках коммунизма, поражает прежде всего размах подготворительных работ, накалывание огромных сил, которые дают возможность выполнить задание правительства в необычайно короткие сроки. Порой это накалывание сил познается через какие-то небольшие, но запоминающиеся детали.

Дня через два после приезда мы с товарищем — украинским писателем — шли в новос, только что организованное управление основных работ.

Морось дождь, и посреди песчаных улиц стояли мутные лужи. Прошли обильные дожди — старики не могли припомнить подобных. Дожди сулили богатый урожай, но строителям непогода мешала. Мы шли вдоль аллеи цветущей акации. Когда-то, видимо, проходил здесь проселок, а теперь по обе стороны разместились склады материалов. У нас повзвиздала мысль заглянуть туда, узнать, что привозят на стройку. Здесь и познакомился мы с заведующим складом Антоном Григорьевичем Постоловским. Антон Григорьевич оказался общительным и интересным собеседником. Представлял он нам так:

— На строительство приехал я из Тарнопольской области. Работал там в системе потребительской кооперации...

Кладовщик сельского кооператива, имевший дело с одной-двумя бочками керосина, с мешками соли, с обувью, мажоркой, с другими товарами колхозного обихода, Ан-

тон Григорьевич стал заведывать материальным складом крупнейшего строительства. Он обстоятельно и детально рассказывал обо всем, что касалось его работы. Уверенно называл спецификацию деталей, помнил все заводские марки и адреса, откуда прибывали грузы. На складе рядом с башенными кранами лежали насысы для артезианских колодезев. Мы проходили вдоль штабелей фасонного железа, труб, вдоль стеллажей с чупунным литьем. В сарае до самого потолка стояли ящики с электротехническим оборудованием, масляные выключатели, вентиляторы, какие-то приборы. А под навесами рядом с прижавшимися друг к другу мотовозами лежали оборудование хлебозаводов, в плотных ящиках стояли новейшие токарные станки, камнедробилки, динамомашинки, компрессоры, трансформаторные будки и трансформаторы. Чего здесь только не было!

Антон Григорьевич по-хозяйски рассказывал среди этих богатств и рассказывал, что пользуется наибольшим спросом у строителей.

— Трансформаторные будки стояли тут долго. Но как только дали ток на Кривого Рога, так будки и трансформаторы пошпи — только давай, да давай...

Работников отдела главного механика привлекают новые станки, но требования приходится урезать. Антон Григорьевич показывает в подтверждение какое-то требование: просили два токарных станка, дали один.

— Управляет с одним пока. Поподобится, если дадим, не то будет проставать без толку...

Антон Григорьевич говорит это уверенно. Хотя и не сам он, конечно, распоряжается выдачей, но он знает, что имущество расходовать надо экономно, по-хозяйски.

На разговоры выясняется, что кладовщик прежде работал не только в системе потребительской кооперации, но только имел дело с ассортиментом сельского магазина. Много лет он провел на флоте, был и шофером, знает машины. На строительстве дали ему квартиру, но живет он пока один — не хочется срывать дочек с учебы. Недавно нажалка к нему жена, все осмотрела, поблала на рынке, прицепилась к продуктам, пошла в новую квартиру и сделала перед отъездом вывод: «Жить можно!»

— Теперь все семейство к себе поджидаю, — говорит он. — Старшенькая, Полина, экзамены сейчас сдает. Уж все вместе новоселье справим.

Кладовщик как-то очень тепло улыбулся и, несколько смущаясь, сказал:

Великие традиции Гоголя и Щедрина

«Нам Гоголи и Щедрины нужны!»

1. Разоблачение старого, военного, реакционного, борба за новое, растущее, прогрессивное — такова суть сатиры Гоголя и Щедрина.

Сатира — это «воронение новой жизни», она, как говорит Щедрин, «пронизывает в царство теней все оживающее». Сатира Гоголя и Щедрина выражала соборную властную жизненную потребность национального развития. Она предвещала великие перемены.

Картины русской жизни, вставившие в творчестве Гоголя и Щедрина, глубочайшая неуловимость этих великих писателей — настоящим помощником передовым людям искать пути к будущему.

Никто до Гоголя не обладал столь беспощадно мерзвостью крепостничества и не выразил с такой силой стремление «вперед!», владеющее русским человеком.

Никто до Щедрина не показывал с такой последовательностью, что не только крепостнические пережитки, но и порядки западноевропейского буржуазного общества являются, с точки зрения передовых русских людей, «прахом прошедшего», что великая страна нуждается прежде всего в массовой революционной силе.

Сатира Гоголя и Щедрина обладала огромной жизнестроительной силой, равной которой не знает мировая сатирическая литература. Беспощадность по отношению к господствующим классам, возмущение всем косным и отсталым сочетались у Гоголя и Щедрина с патристическим народом в свой народ и его великое будущее. Щедрин считал одной из важнейших своих задач уяснение «положительных типов русского человека».

Неустанным стремлением идти по пути прогресса, самоотверженности и готовности на жертвы ради блага родины, стойкости и твердости, трезвости ума, богатство духовного мира — эти качества воспитывали Гоголь и Щедрин в своих современниках. Они вытравляли все рабское из человеческого души. «Настоящий человек — он вперед глядит», — писал Щедрин.

Гоголь и Щедрин глубоко чувствовали все прекрасное в жизни, ее светлые и радостные краски. В «Современной палатке», в одной из самых резких щедринских сатир, мы находим такую полную светлой и прозрачной поэзии картину русской природы, которая может соперничать с прославленными пейзажами Тургенева.

Но Щедрин считал, что пишет в такие «строгие времена», когда все силы передовых людей должны быть сосредоточены на борьбе с господствующим тогда общественным строем, уродовавшим человеческую личность.

Гоголь ставил себе задачу устремить общество к прекрасному, но с горечью сознавал, что основной путь к этому лежит покуда еще в изображениях «настоящей мерзости».

2. Впервые в мировой истории в советской действительности подучает удовлетворение та жадная счастьем и справедливой жизни, которая оставалась неуловимой для многих поколений самоотверженных борцов.

Но именно всемирно-исторические победы советского народа, невиданная быстрота духовного роста наших людей заставили с особенной энергией, нетерпимостью и негодованием преследовать все то, что задерживает, замедляет движение вперед.

Разоблачение и преследование старого — жизненная потребность советского человека. Особенно ярко выразил ее в своих сатирических стихах Маяковский. Он призывал к тому, чтобы

критика
дрья
и это
лучшее из доказательств
нашей
чистоты и силы.

Советская сатира оказывает существеннейшую помощь большевистской критике и самокритике. Сатирические цели советской литературы неотрывны от позитивного воплощения «нашей чистоты и силы». А. А. Жданов говорил: «Отбрасывая лучшие чувства и качества советского человека, раскрывая перед ним ваврашский его день, мы должны показать в то же время нашим людям, какими они не должны быть, должны бичевать пережитки вчерашнего дня, пережитки, мешающие советским людям идти вперед».

Неразрывное единство двух важнейших задач советской литературы — позитивного воплощения нового и сатирического разоблачения старого — ни в коем случае нельзя понимать упрощенно, механически.

Между тем именно такое понимание в сочетании с пресловутой «теорией» бесконфликтности породило сомнения в том, могут ли вообще в советской литературе существовать произведения, являющиеся по основной своей направленности сатирическими. Возникла странная мысль о том, что сатирические тона лишь в очень небольшой, строго ограниченной дозе могут быть присущи большим произведениям советской литературы. И надо признать, что в большинстве произведений последних лет удельный вес сатирических персонажей незначителен. Они характеризуются бегом, мимолетом; за немногими исключениями их даже не так легко припомнить.

Большое значение для понимания характера советской сатиры имеет письмо И. В. Сталина тов. Безмыслову.

Имея в виду такие произведения А. Безмыслова, как «Выстрел» и «День нашей жизни», И. В. Сталин писал в 1930 году: «Их пафос состоит в заострении вопроса на недостатках наших аппаратов и в глубокой вере в возможность исправления этих недостатков. В этом пафосе и в «Выстреле» и в «Дне нашей жизни». В этом же их основное достоинство».

Без заострения вопроса на тех или иных недостатках сатирическое произведение не может возникнуть. Но важнейшая принципиальная особенность советской сатиры заключается в глубокой вере в возможность исправления этих недостатков».

Гоголь и Щедрин могли обрести только идейную победу над господствовавшим в их время общественным строем.

Советский сатирик

выступает от лица самого передового в мире общественного строя, и он обрешивает и идейную и практическую победу над всем тем, против чего направлена его сатира.

Нашей сатире присущ оптимизм советского человека, хозяина своей страны, уверенного в том, что он практически, на деле способен покончить со всеми пережитками прошлого, которые еще сохранились в закоулках быта и психологии.

Эта уверенность должна быть передана всем идейно-художественным строем произведения.

Маяковский, избивая бюрократов, постоянно давал почувствовать, что вокруг «советских похмалулов» кипит, бурлит, растет совсем иная, непримиримая враждебная всем пережиткам бюрократизма жизнь. «Метлою бурь по дуракам похулов», — говорил Маяковский о похмалулах. Их настали метлою бурь по дуракам похулов. Их настали метлою бурь по дуракам похулов. Их настали метлою бурь по дуракам похулов.

Эта уверенность должна быть передана всем идейно-художественным строем произведения.

Маяковский, избивая бюрократов, постоянно давал почувствовать, что вокруг «советских похмалулов» кипит, бурлит, растет совсем иная, непримиримая враждебная всем пережиткам бюрократизма жизнь. «Метлою бурь по дуракам похулов», — говорил Маяковский о похмалулах. Их настали метлою бурь по дуракам похулов. Их настали метлою бурь по дуракам похулов.

Эта уверенность должна быть передана всем идейно-художественным строем произведения.

Маяковский, избивая бюрократов, постоянно давал почувствовать, что вокруг «советских похмалулов» кипит, бурлит, растет совсем иная, непримиримая враждебная всем пережиткам бюрократизма жизнь. «Метлою бурь по дуракам похулов», — говорил Маяковский о похмалулах. Их настали метлою бурь по дуракам похулов. Их настали метлою бурь по дуракам похулов.

Эта уверенность должна быть передана всем идейно-художественным строем произведения.

Маяковский, избивая бюрократов, постоянно давал почувствовать, что вокруг «советских похмалулов» кипит, бурлит, растет совсем иная, непримиримая враждебная всем пережиткам бюрократизма жизнь. «Метлою бурь по дуракам похулов», — говорил Маяковский о похмалулах. Их настали метлою бурь по дуракам похулов. Их настали метлою бурь по дуракам похулов.

Эта уверенность должна быть передана всем идейно-художественным строем произведения.

Маяковский, избивая бюрократов, постоянно давал почувствовать, что вокруг «советских похмалулов» кипит, бурлит, растет совсем иная, непримиримая враждебная всем пережиткам бюрократизма жизнь. «Метлою бурь по дуракам похулов», — говорил Маяковский о похмалулах. Их настали метлою бурь по дуракам похулов. Их настали метлою бурь по дуракам похулов.

Эта уверенность должна быть передана всем идейно-художественным строем произведения.

Маяковский, избивая бюрократов, постоянно давал почувствовать, что вокруг «советских похмалулов» кипит, бурлит, растет совсем иная, непримиримая враждебная всем пережиткам бюрократизма жизнь. «Метлою бурь по дуракам похулов», — говорил Маяковский о похмалулах. Их настали метлою бурь по дуракам похулов. Их настали метлою бурь по дуракам похулов.

Эта уверенность должна быть передана всем идейно-художественным строем произведения.

Маяковский, избивая бюрократов, постоянно давал почувствовать, что вокруг «советских похмалулов» кипит, бурлит, растет совсем иная, непримиримая враждебная всем пережиткам бюрократизма жизнь. «Метлою бурь по дуракам похулов», — говорил Маяковский о похмалулах. Их настали метлою бурь по дуракам похулов. Их настали метлою бурь по дуракам похулов.

Эта уверенность должна быть передана всем идейно-художественным строем произведения.

Маяковский, избивая бюрократов, постоянно давал почувствовать, что вокруг «советских похмалулов» кипит, бурлит, растет совсем иная, непримиримая враждебная всем пережиткам бюрократизма жизнь. «Метлою бурь по дуракам похулов», — говорил Маяковский о похмалулах. Их настали метлою бурь по дуракам похулов. Их настали метлою бурь по дуракам похулов.

Эта уверенность должна быть передана всем идейно-художественным строем произведения.

Маяковский, избивая бюрократов, постоянно давал почувствовать, что вокруг «советских похмалулов» кипит, бурлит, растет совсем иная, непримиримая враждебная всем пережиткам бюрократизма жизнь. «Метлою бурь по дуракам похулов», — говорил Маяковский о похмалулах. Их настали метлою бурь по дуракам похулов. Их настали метлою бурь по дуракам похулов.

Эта уверенность должна быть передана всем идейно-художественным строем произведения.

Маяковский, избивая бюрократов, постоянно давал почувствовать, что вокруг «советских похмалулов» кипит, бурлит, растет совсем иная, непримиримая враждебная всем пережиткам бюрократизма жизнь. «Метлою бурь по дуракам похулов», — говорил Маяковский о похмалулах. Их настали метлою бурь по дуракам похулов. Их настали метлою бурь по дуракам похулов.

Эта уверенность должна быть передана всем идейно-художественным строем произведения.

Маяковский, избивая бюрократов, постоянно давал почувствовать, что вокруг «советских похмалулов» кипит, бурлит, растет совсем иная, непримиримая враждебная всем пережиткам бюрократизма жизнь. «Метлою бурь по дуракам похулов», — говорил Маяковский о похмалулах. Их настали метлою бурь по дуракам похулов. Их настали метлою бурь по дуракам похулов.

Эта уверенность должна быть передана всем идейно-художественным строем произведения.

Маяковский, избивая бюрократов, постоянно давал почувствовать, что вокруг «советских похмалулов» кипит, бурлит, растет совсем иная, непримиримая враждебная всем пережиткам бюрократизма жизнь. «Метлою бурь по дуракам похулов», — говорил Маяковский о похмалулах. Их настали метлою бурь по дуракам похулов. Их настали метлою бурь по дуракам похулов.

Эта уверенность должна быть передана всем идейно-художественным строем произведения.

Маяковский, избивая бюрократов, постоянно давал почувствовать, что вокруг «советских похмалулов» кипит, бурлит, растет совсем иная, непримиримая враждебная всем пережиткам бюрократизма жизнь. «Метлою бурь по дуракам похулов», — говорил Маяковский о похмалулах. Их настали метлою бурь по дуракам похулов. Их настали метлою бурь по дуракам похулов.

Эта уверенность должна быть передана всем идейно-художественным строем произведения.

Маяковский, избивая бюрократов, постоянно давал почувствовать, что вокруг «советских похмалулов» кипит, бурлит, растет совсем иная, непримиримая враждебная всем пережиткам бюрократизма жизнь. «Метлою бурь по дуракам похулов», — говорил Маяковский о похмалулах. Их настали метлою бурь по дуракам похулов. Их настали метлою бурь по дуракам похулов.

Эта уверенность должна быть передана всем идейно-художественным строем произведения.

Маяковский, избивая бюрократов, постоянно давал почувствовать, что вокруг «советских похмалулов» кипит, бурлит, растет совсем иная, непримиримая враждебная всем пережиткам бюрократизма жизнь. «Метлою бурь по дуракам похулов», — говорил Маяковский о похмалулах. Их настали метлою бурь по дуракам похулов. Их настали метлою бурь по дуракам похулов.

Юмор, смех обладают

множеством оттенков. Но писателю-юмористу, рисующему советский быт и «принципиально» отгораживающемуся от острого конфликта и сатирического смеха, грозит поверхностность и измывчивость.

Некоторые из «Юмористических рассказов» Леонида Лэнча, вышедших недавно вторым изданием, не идут дальше зарисовок внешних, курьезно анекдотических ситуаций. Наоборот, лучшие рассказы писателя показывают, что сатирический смех делает художественные образы более глубокими, рельефными, значительными.

В рассказе «Тройка за поведением» Л. Лэнча создается сатирический тип тупого и самолюбиво-ограниченного кланзника, без всякого к тому основания «защищающего» сына от «проказа» учителя. С настоящим юмором показывает писатель, насколько эти грубые и пошлые черты чужды духовному складу советского общества. Сам маленький Гюль отвергает «защиту отца» и пишет матери: «Дорогая мама, приезжай скорей! С тобой плохо. Он опять пишет учителям. Мне одному с ним не справиться, и я очень встревожен его поведением. Оно у него — на тройку...»

Существенной особенностью сатирического смеха является смелое и реалистическое заострение и преувеличение.

Гоголь и Щедрин учат замечательной изобретательности художественного воображения, неизменно остающегося верным действительности. Сатирические заострения и гиперболы этих великих писателей всегда отягчены подлинным реализмом.

Маленький пример. Подковник Кошкарев, заведя в своем имении многочисленные комитеты, экспедиции, конторы и комиссии и благоговейно перед формой «бумажного производства», — отнюдь не плод произвольной игры воображения автора «Мертвых душ». Смехотворная «делательность» Кошкарева — типическое отражение беспомощных рационализаторских попыток крепостников 30—40-х годов XIX века, в период острейшего кризиса крепостнического хозяйства.

В «Руководстве к управлению именными» А. Волгаря-Ярского (Санкт-Петербург, 1840) рекомендуется в каждом имении завести контору, состоящую из трех частей (исполнительная, распорядительная и отчетная) с разделением служящих каждой из них на три «степени» и три «знания». В конце же концов оказывается, что, по мнению автора, все эти части и степени могут быть воплощены в самом помещике и его счетоводе, т. е. что это хитрое и иллюстрированное табличками построение оказывается — как и у Кошкарева — чисто бумажным.

Гоголь и Щедрин отбрасывали яркие и резкие факты действительности и прилаживали им сатирически-заостренный облик. Но создавшие таким путем образы всегда приобретали в их творчестве обобщенно-типизирующее значение.

Щедрин использовал в своем творчестве множество таких фактов, которые одновременно становились достоянием текущей публицистики. Однако у великого сатирика эти факты предстают в монументально-художественном воплощении, ни в чем не теряя своего злободневного звучания.

Гоголь и Щедрин умели находить такой способ изображения действительности, который заставлял сатирические персонажи их произведений обнаруживать заложенные в них отрицательные «готовности» и тем самым разоблачать самих себя.

Маяковский вскрывал «готовности» заложенные в злодейских возведениях международной реакции. Каким пронзительнейшим сатирическим предсказанием звучат сегодня полные гнева и злобы строки, клеймящие преступное применение бактериологического оружия американскими империалистами! Вильсон

новых войн высылает рой — смертоноснейшую заразу. Идут заквашенные в грязевые брони спирохеты на спирохете.

Ялом бактерий, лапами вшей кровь поганят, ползут за шей. Болезни явились небывалого фасона...

И вот, как бы подставляя свой медный лоб неоглядливой сатирической печати Маяковского, директор управления научно-исследовательских работ министерства обороны Соединенных Штатов Ванвьер Буш указывает в 1949 году на целесообразность применения в качестве средства агрессии «новых видов эпидемических заболеваний людей, о которых человечество раньше не имело никакого представления».

Действительно, как сказал Щедрин, «жизнь иногда идет на перебой самой невероятной сатире» и гипербола оказывается слепком с днях жестокостей реакции.

Не нужно пренебрегать сатирической гиперболой и при разработке тем советской жизни.

Вспомним замечательную, направленную против бюрократизма сатирическую гиперболу из «Баня» — «главначуп», главный начальник по управлению согласованием.

Заостряя свои сатирические выходы, Щедрин рисовал «деревянных», «игрушечного дела людей» для того, чтобы подчеркнуть бездушие, бесчеловечность помещичье-буржуазного общества, в особенности царской бюрократии.

Превращая глуховских градоначальников и похмалулов в куклы и марионетки, наделив их механичностью движений, мысль, чувства и слов, Щедрин смеялся над ними и наглядно доказывал, что такой тупой автомат никак «настоящим человеком» назван быть не может.

Преследуя бюрократизм и его пережитки в советском быту, Маяковский продолжал этот мотив щедринского сатирического смеха. Щедрин рассказывал о бюрократе, у которого в черепе установлена трещина «для того, чтобы предписания начальства быстрее доходили по назначению». Маяковский изображал «пропагандистов», вынужденных «разрывать» шаг, чтобы попасть на все положенные им заседания. Вспомним еще «советского похмалура», олетого в «незбылемых мандах латы», или «служак», который «в место в собственное враща».

И та же, в сущности, сатирическая мысль вложена А. Рыбаковым в портрет

хозяйственника-бюрократа Бануникова, нос в чем переключившийся и с образом Собакевича. В массивном кресле «по-хозяйски» грубо и основательно сидел сам Бануников. Казалось, что и хозяин этого кабинета и мебель всем своим видом как бы говорят: «А ну, попробуйте, дащите нас».

К сожалению, А. Рыбаков не дает ощутить того вихря возмущения, которое такой человек у нас должен вызвать, не показывает активной борьбы героев романа против этого бюрократа.

4. Гоголь и Щедрин умели избирать предмет своей сатиры острые, косные стороны общественной психологии, объясняющие политическое поведение целых социальных слоев. Они были великими исследователями-психологами личного и общественного сознания.

Щедрин был ближайшим преемником и продолжателем Гоголя. В творчестве великого сатирика революционной демократии происходило сознательное и целеустремленное насыщение гоголевских сатирических мотивов политикой. Если Гоголь писал о «плуте, корчащем рожу благонамеренного человека», то Щедрин вскрыл смысл и психологию лицемерных помещичье-буржуазных «благонамеренных речей», маскирующую политический гнет и экономическую эксплуатацию.

Такое развитие гоголевских мотивов возможно было только потому, что в образах автора «Мертвых душ» под корой был таковое огромное политическое содержание. Кто такой подковник Кошкарев, с его бумажными проектами, философскими флинтками и пренебрежением к русскому народу? Заландин-космополит 40-х годов, стоящий на задних лапках перед Европой и мечтающий одеть «русских мужиков в немецкие штаны»!

Щедрин продолжал дело Гоголя. Знаменитый щедринский образ немецкого «малышка в штанах» высмеивал не только немецкую буржуазно-филистерскую посредственность и ограниченность, но и пореформенный российский либерализм, метты которого дальше «гороховины с свиным салом», пропелланного буржуазного комфорта не шли.

Именно пронзительнейшее проникновение Гоголя в глубь общественной психологии и быта позволило Щедрину дать политическое заострение таким гоголевским сатирически-психологическим и бытовым мотивам, как равнодушие, пошлость, косность. Он глубоко передал, например, всю пошлость либеральной «умеренности и аккуратности» с ее политическим холопством и духовной бедностью, с ее попыткой «зазорить... все человеческие чувства».

Наследие Гоголя и Щедрина мигает всей прогрессивной литературой мира в сатирическом изображении того состояния страха, паники, заботности, трепета, в котором поджигатели войны стремятся держать современного «среднего человека».

В то же время внимания наших сатириков требуют также пережитки капитализма в сознании людей, как косность, карьеризм, равнодушие, пошлость, чванство.

Разве не нужен нам, например, памфлет против равнодушно-формального отношения к своей работе, к своему делу? Разве не нужно заклеймить это отвратительное свойство, которое в особенности бывает присуще всем остановившимся людям, живущим прошлыми сомнительными достижениями и приятельскими славословиями, оторвавшимся от жизни, от творчества, людям, вновь и вновь с авторитарным видом изрекающим давно устаревшие прописи, а в сущности пекущиеся только о личном спокойствии и материальном благополучии?

Многократно привлекали к себе внимание великих сатириков лицемерие и фальшь господствующих классов и их подголосков.

Предательство, неразрывное с фальшью, лицемерием, злобой и преступлением, было для Гоголя и Щедрина самым тяжким из всех злодеяний на земле. «Страшная мезь» и «Господа Головлевы» беспощадно казнят издательств.

Эта великая традиция гневно-неумолимо обличения предательства и того психологического подполья, в котором это предательство влечет свое существование, получила продолжение в советской литературе.

Горький создал классический сатирический и психологический портрет Мушкетера, принадлежавшего к среде буржуазной интеллигенции. — Клима Самгина.

Очень большое значение для советской литературы имеет сатирически-психологическая характеристика маскирующихся, фальшивых людей.

Среди тех немногих образов нашей литературы последних лет, которые рисуют таких людей, выделяется Рудин из «Донбасса» Бориса Горбатова. «Пламенными» речами, шумихой, охотворительством прикрывает Рудин внешне-холодное и дряблое нутро самолюбия, равнодушного к людям, к своему труду, охваченного лишь острейшей жадной славой.

Разоблаченный, снятый со своего поста, на котором он лишь оклеивал порученное ему партийное дело, этот фальшивый человек должен стать впоследствии злобным предателем и врагом народа — таково думается, внутренняя логика этого сатирического образа. Но обрисован Рудин в «Донбассе» все же бегом, это эпизодическая фигура.

Огромно и многообразно духовное и эстетическое богатство, содержащееся в творчестве, в художественных методах Гоголя и Щедрина. Замечательные слова из передовой «Правды» от 4 марта 1952 года: «Нам Гоголи и Щедрины нужны!» — со всей силой подчеркивают значение, которое имеют традиции этих великих писателей для литературы советской. Конечно, плодотворно только творческое, новаторское следование за классической традицией. Копирование и стилизация были бы здесь, как и во всех других случаях, бесплодны.

Гоголь и Щедрин требовали от писателей беззаветно правдивого, неутомимого, идейно-целеустремленного, художественно-копированного исследования действительности. Такова отменная точка для творческого развития традиций этих величайших сатириков русской и мировой литературы.

В ЛЕТНИЙ ДЕНЬ. Молодые художники Лариса Федотова — учащаяся Московской средней художественной школы и Юрий Марплунг — студент Московского художественно-промышленного училища имени М. И. Калинина на этюдах в Московском зоопарке. Фото В. ЛЕОНОВА

Новый роман Андрея Упита

«Проблеск в тучах» — так называется новый роман Андрея Упита, вышедший недавно в издательстве «Литературный мир».

Латгосиздатом на латышском языке. Некоторые герои, чья жизнь начиналась в его романе «Земля зеленая», становятся центральными фигурами романа «Проблеск в тучах». По мере с тем произведения эти сюжетно независимы друг от друга.

Заключительные главы «Земли зеленой» подводят читателя к тому периоду, когда в результате развития капиталистических отношений протестарские и полупротестарские массы латышской деревни устремились в города — на заводы и фабрики. «Проблеск в тучах» дает картину жизни крупного промышленного города — Риги в девятые годы, годы пробуждения протестарии, выхода его на историческую арену, в годы обострения классовой борьбы.

Андрей Упиту, принимавшему активное участие в этой борьбе, хорошо знакома история развития латышской общественной мысли, удалось правильно и глубоко отразить в своем новом романе эти сложные исторические процессы.

Главное действующее лицо романа — протестарият. Он и определяет развитие сюжетной линии произведения.

Мы видим, как сплачиваются массы в организованную боевую силу, как борются за свое будущее против капиталистического строя. Андрей Упит не прибегает к историческим обзорам. Он раскрывает все эти средства художника, реально показывая человеческую жизнь, борьбу, муку и страдания людей.

Автор хорошо знает старую рабочую Ригу. Перед глазами читателя встает городская окраина, куда эксплуататоры загнали тех чьям трудом они живут. С огромной художественной силой обрисована жизнь рабочих: тесные, душные жилища, нищенский обед, проклятые безработицы для одних, угроза ее для других.

Роман заканчивается событиями 1899 года, когда забастовка, начавшаяся на джутовой фабрике, на несколько дней полностью охватила Ригу. Она вошла в историю революционной борьбы латышского народа под названием «Рижский бунт». В темных тучах капитализма открылся проблеск. Дальнейший путь трудового народа ясен, и протестарият отныне не сперт с этого пути до полной победы. Андрей Упит показал, откуда шел этот свет, эта сила, пробуждавшая латышский протестарият к общей борьбе. Русский рабочий класс, революционный протестарият России протянул руку товарищества и позвал латышских рабочих на общую борьбу.

Протестарият не претает в романе одинокой, беготней массовой. Разнообразные, рельефно выделенные характеры создают художественно сильный образ борющегося народа. Ярко и волнующе показаны судьбы ведущих героев. Смело и безбоязненно вступают на путь борьбы Анна и Андрей Олс. Великий неслыханный правды Андрей Калвиц приходит к сознанию, что одной из предпосылок успешной борьбы является оружие знания. Мужественно сопротивляется окончательному падению и гибели безработный Палет. Пунга, вынужденный с фабрики, сохраняет телесные силы до смертного часа. Его дочь Вероника — один из самых светлых и мастеров написанных юношеских образов во всей латышской литературе. Организован победоносный бунт, для которого нет непреодолимых препятствий. Значительная часть разработанной образ русского товарища, организатора подполья Островского.

Эти и многие другие характеры рабочих раскрыты в убедительных картинах, вводящих читателя в конкретную, реальную жизнь эпохи. Со всеми мельчайшими подробностями живописует Упит черты героев, каждое движение, каждую бытовую деталь. Если автор приводит нас в белый основной лесок в Агенскале, где рабочие проводят свой воскресный отдых, то читатель не только видит людей, не только слышит их индивидуальную речь; он видит световые на белом песке, следы ног на рыхлах земле, слышит шорох ветра в хвое.

Когда же автор показывает массовые демонстрации рабочих, например, Рижский бунт, похороны, он переходит от обрисовки индивидуальных характеров и портретов к обрисовке массы, к портрету коллектива, вкладывая в него лиризм и глубокий пафос.

В история латышской общественной мысли в последнее время движение прогрессивной интеллигенции, неудачнее название «Новое течение». Известная часть революционно-демократической интеллигенции образовала левое крыло «Нового течения». Она познакомилась с марксистскими идеями и впоследствии активно работала в социал-демократической партии. Левое крыло сыграло значительную роль в политическом пробуждении протестарии, пропагандируя и популяризируя на страницах «Дневна Латва» («Ежедневный листок») идеи марксизма. Другое крыло объединило либеральных интеллигентов. Андрей Упиту блестяще удалось показать либеральное крыло «Нового течения». Очень характерна фигура помещика адвоката Була.

Подобно многим деятелям правового крыла «Нового течения», он посещает рабочие вечера, рассказывает рабочим о системе приращивания в древнем Риме или о других политических безразличных вещах. Тупица и дальневосточная судьба этого «просветителя». Он превращается в открытого и жестокого врага рабочего движения.

Андрей Упит с большой силой художника-реалиста разоблачает либеральную группу «новотеченцев». К сожалению, показ левое крыло, которое играло столь большую роль в политическом развитии рабочего класса Латвии, менее удалось Упиту.

Из всех представителей этой группы наибольшее внимание уделено первому революционному поэту Латвии Эдуарду Вейденбауму. Образ Вейденбаума написан с глубокой внутренней теплотой. Но Вейденбаум умер в самом начале деятельности «новотеченцев». Живет во второй части романа только его поэзия.

Значительное место в произведении отведено Райнису. В те годы, которые описывает Упит, имя Райниса не приобрело еще широкой популярности. Как революционный поэт он становится известен лишь с выходом в свет сборника стихов «Дальние отзвуки синего вестера» (1903 г.). Именно в этот период Райнис развивает активную деятельность как редактор и публицист. У А. Упита была возможность, не нарушая исторической правды, дать образ Райниса в перспективе его развития. Это позволяло бы взглянуть в близкое будущее поэта-борца, сильнее отметить значение революционной деятельности интеллигенции в девятых годах. Однако А. Упит не использовал такой возможности.

Главным героем романа — протестарияту противостоит враждебный лагерь — лагерь буржуазии. Это большая галерея типов. Самое большое внимание уделено Упитом кругам так называемого Рижского латышского общества. Создалось оно, когда латышская буржуазия еще была молодой и вела борь

Н. БАБИН ПОДВИГ КОРЕИ

...Ожесточение боя нарастало с каждой минутой. Доведенные до истощения сознанием своего бессилия, янки бросали в атаку на позиции корейских солдат и китайских народных добровольцев все новые и новые части. Однако все было напрасно. Патриоты стояли насмерть, но не давали врагу продвигаться. Над полем сражения появились американские самолеты. С шумом проносясь над позициями корейских войск, они обрушили на них град наземных бомб. Пламя охватило все кругом. И тогда произошло необычайное.

Едва отбомбился последний самолет, как героические защитники Кореи выскочили из окопов и ринулись на линию расположения американцев. В атакующей цепи впереди бежали 15 народных воинов, облитых пламенем. Стиснув зубы от нестерпимой боли, они, подобно живым факелам, носили навстречу врагу, которого охватил ужас. На пределе последних сил каждый из них схватился за янки врукопашную, зажимая их в смертельное огненное объятие.

Велика была сила ненависти погибших к чужеземным пришельцам! Когда, желая с почестями предать земле обгоревшие останки патриотов, их хотели отнять от трупов американцев, сделать это удалось с большим трудом, — столь крепко были сжаты у них пальцы...

Великие подвиги совершают во имя счастья и свободы Кореи воины Народной армии и китайские добровольцы. Осененные благородными идеями справедливой войны против агрессоров, они не знают страха в бою.

730 дней и ночей содрогается от взрывов бомб земля далекого Корейского полуострова, и зарено пожаром отражается в его потугах от кровей рек. Развязывая агрессию в Корею, янки стремились осуществить давно задуманный разбой. Характеризуя обстановку на Дальнем Востоке, В. И. Ленин еще в 1920 году указывал:

«Япония будет воевать за то, чтобы ей продолжать грабить Корею, которую она грабит с неслыханным зверством, содеянным все новейшие изобретения техники и пыток часто азартских... Но это корейский законный кусок хотят вырвать американцы».

Американский империалистический хищник, бросившись всей своей военной мощью на Корею, жестоко обжегся. «Американские захватчики не учли того, говорит Ким Ир Сен, — что корейский народ сегодня — это не вчерашний колониальный раб, а народ, который был освобожден великой Советской Армией и который за пять лет создал мощную демократическую базу в северной части своей родины и при собственной народной власти получил все демократические права, испытывая счастье и свободу».

Два года — немалый срок, но американские агрессоры, вознамерившись бросить к своим ногам древнюю землю Корею, ныне так же далеки от цели, как и в тот июньский день 1950 года, когда они по сигналу из Белого дома зажгли у 38-й параллели пожар войны.

Уже итоги первого года войны показали, что замыслы американских империалистов захватить Корею и использовать ее как плацдарм для последующей агрессии против Китая лопнули, словно мыльный пузырь. США потерпели в Корею необычайное в американской истории военное и моральное поражение. Потери американцев в живой силе и технике за год войны в Корею превысили половину их потерь за всю историю мировой войны. Количество убитых, раненых и плененных солдат интервенционистской армии достигло почти 600 тысяч человек.

Ничему не научившись и ничего не поняв из уроков первого года войны, уповая на огромный перевес в военной технике, американские империалисты, отброшенные еще зимой 1950 года к 38-й параллели, вновь и вновь стремились вторгнуться в Северную Корею, дойти до границ Китая. Под сенью начавшихся в Касоне переговоров о перемирии интервенты предприняли в 1951 году одно за другим два больших наступления — «летнее» и «осеннее». В них участвовало свыше 300 тысяч солдат и офицеров, огромное количество танков, артиллерии, самолетов и военных кораблей. Англо-американские воюющие понесли огромный урон, но не продвинулись вперед.

Корейская Народная армия и китайские добровольцы продолжают прочно удерживать свои позиции на всем протяжении фронта от Желтого до Японского моря. За 10 месяцев, начиная с середины 1951 года, захватчики потеряли убитыми, ранеными и пленными 330 тысяч солдат и офицеров. Таким образом, за два года войны потери интервентов дошли до одного миллиона.

На этом, на ночь не умолкает гул сражений в горах и долинах Кореи. Янки обрушивают на позиции защитников Кореи в среднем 20—30 тысяч снарядов в день, бросают против них десятки танков, сотни самолетов. Достаточно, например, сказать, что за два дня 9—10 мая в налетах на фронтную зону и тылы Народной армии участвовало свыше 1 500 американских самолетов, 15 мая — более 2 000, 16 мая — 2 100.

Особенно напряженные бои происходят в районах Коранори и Панмынчжона — на Западном фронте, в районе так называемого «железного треугольника» Чхольвон—Кымхва—Пхенган, а также Кимсона и Поньчхона — на Центральном фронте и в районе Янгу и Ничжэ — на Восточном фронте. Хорошо укрепившиеся части корейской Народной армии и китайских добровольцев, маневрируя огнем артиллерии и минометов, переходя в контратаки, уничтожают живую силу врага, изматывают и обескровливают его.

В последнее время американский генерал Кларк, сменивший на посту командующего войсками интервентов в Корею гене-

рала Риджуэ, также предпринял наступательные операции.

5 мая Кларк бросил на позиции Народной армии в районе Поньчхона дивизию морской пехоты. Артиллерия интервентов стала ожесточенно обстреливать позиции Народной армии, расположенные в 12—15 км восточнее Панмынчжона. В бой были введены также подразделения американской 40-й дивизии, 1-я английская дивизия и 3-я дивизия лисьяносовцев. На Центральном и Восточном фронтах части Народной армии и китайских добровольцев подверглись атакам лисьяносовской «столичной» дивизии, 24-й американской дивизии и турецкой бригады. Однако результаты оказались такими же, как и предыдущие — наступление провалилось. При этом 26-й полк лисьяносовской «столичной» дивизии был полностью уничтожен.

За два года войны, пройдя огонь тяжелых испытаний, корейская Народная армия превратилась в грозную для врага силу. Воины Народной армии и китайские добровольцы научились умело бить зарвавшегося агрессора и развели легенду о «всезомуществе» американской техники.

Давно прошли те времена, когда американская авиация могла безнаказанно разбомбить в небе Северной Кореи, Корей-

скую прессу. Весьма характерно письмо из Кореи, опубликованное газетой «Чжунго трибун» за подписью: «Совершенно недовольный солдат». В письме говорится: «...Вы можете услышать от солдат один и те же вопросы: Почему? Ради чего? Чем это кончится? Люди, которые приезжают в Корею из Вашингтона, возвращаясь домой, всегда рассказывают о том, что моральное состояние здесь хорошее. Хотел бы я знать, с кем они беседуют, если приходят к такому заключению. И не думаю, чтобы это говорил грязный, недовольный солдат, сидящий в доте».

Обычным явлением стали в армии интервентов факты невыполнения приказов, дезертирство. Взятый в плен старший унтер-офицер 17-го полка американской 7-й дивизии Арнольд Уильямс, рассказывая о растущих антивоенных настроениях среди солдат, сообщил, как однажды, бросив рывок окопы, большая группа солдат устроила собрание и потребовала быстрого завершения переговоров о перемирии. Офицеры сначала растерялись, но вскоре открыли огонь по солдатам из пулеметов. Несмотря на это, из окопов раздавались призывы: «Прекратите войну, пусть нас на родину!». Большинство участников собрания было расстреляно на месте.

В Южной Корею народные мстители — корейские партизаны и партизанки держат врага в постоянном страхе. Только в 1951 году партизанские отряды уничтожили, ранили и захватили в плен 34 тысячи вражеских солдат и офицеров. За последние несколько месяцев партизаны уничтожили еще 31 тысячу солдат и офицеров врага. Забастовка докеров в Ичхоне, взрывы военных складов в Пусане и Ченчжу, самоотверженная борьба рабочих против захватчиков в Тэгу, Тэчжоне и Кванчжу свидетельствуют о слабости тыла захватчиков, о тщетности попыток оккупантов подавить борьбу корейского народа.

Третий по всем швам политический режим Ли Сы Маня, не имеющий никакой опоры в народе, разлагаемый коррупцией и казнокрадством. Лондонская газета «Дейли телеграф энд Морнинг пост» с горечью писала по этому поводу: «Военный провал усугубляется сейчас исключительно серьезным политическим кризисом».

В безумной попытке стереть с лица земли корейский народ американская военщина давно уже превзошла своих духовных учителей — немецко-фашистских убийц.

Проповедники звериного национализма и зоологического расизма, идеологи военных авантюры и разбоя, американские торговцы смертью превратили прекрасную корейскую землю в зону пустынь. Три миллиона убитых мирных корейцев, по данным английской газеты «Дейли уоркер», — такова кровавая жатва американских палачей.

Указывая на руины Пхеньяна, Нак Деял говорил: «Этого забыть нельзя... Этого никогда нельзя простить. Вначале народ еще имел слезы для того, чтобы оплакивать свои страдания, но теперь слезы у него иссякли... В сердце остались лишь ненависть, всепоглощающая ненависть, ненависть, которая требует мести за уничтоженные города, за сотни тысяч матерей и детей, убитых врагами... Борьба наша теперь не на жизнь, а на смерть...»

Терпя провал за провалом в достижении своей цели, американские империалисты мобилизовали из своего арсенала все, что только было возможно. От Трумэна Ли, до брабанчица войны, в хлудоском усердии скликающего ландскнехтов для интервенционистской армии, до чумных и холерных бактерий, от налалы и ядовитых газов до извержского убийства военнопленных в лагерях смерти — все пушено в ход.

Но хотя мир американские империалисты, ибо из крови и гора народов они делают золото. Американский католический епископ «Америкэн» пишет, что корейская война «является стимулом, который ускоряет наше собственное вооружение и выдыхает больше жизни в организацию Северо-атлантического пакта». Корейская война, как об этом совершенно откровенно заявил на днях министр обороны Англии Александер, представляет «генеральную репетицию» третьей мировой войны. Братья Отсопы писали в газете «Нью-Йорк геральд трибун», что военное и морское министерство США считают, что Корея «обеспечивает сейчас полезную школу обучения для наземных войск...»

Проявляя необычайную выдержку перед лицом многочисленных провокаций американцев, представители Народной армии и китайских добровольцев сумели добиться на переговорах о перемирии в Касоне решения одного вопроса за другим. Но когда остался нерешенным только один вопрос — об обмене военнопленными, американские империалисты пошли на кровавую провокацию на острове Кожедо, вызвавшую гнев и возмущение народов.

...Сегодня все передовое человечество с уважением и любовью обращает свои взоры к мужественному корейскому народу. Вступая в третий год борьбы с американскими империалистами, корейский народ еще выше поднимает знамя освободительной борьбы, воодушевляя миллионы людей в колониальных и зависимых странах.

Великая жизнеспособность народно-демократического строя, сплоченность и стойкость корейского народа, во главе с Трудовой партией и ее вождем Ким Ир Сеном, вселяют в каждого корейца уверенность в победе.

С корейским народом — все силы лагеря мира и демократии, возглавляемые великим Советским Союзом. К Советской стране, к советскому народу и его великому вождю И. В. Сталину устремлены сердца корейских патриотов.

«Рук прочь от Кореи!» — несется в эти дни со всех концов земного шара гневный голос миллионов простых людей. Они знают, они верят: корейский народ не может не победить!

Митинг протеста против ареста Жака Дюкло на заводе «Рено». Снимок из французской газеты «Юманите»

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!

Американский журнал «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Уорлд Репорт» в № 13 (том XXXII) поместил статью: «Влетит ли помощь за собой контроль?» В ней говорится:

«АФИНЫ». Американский посол, действующий от имени правительства Соединенных Штатов, активно и открыто вмешивается во внутренние дела Греции. Он заявил, что США поддерживают одну политическую группу против другой. Далее журнал поясняет, что правительства маршаллизованных стран, в частности Греции и Франции, покорятся на шатких коалициях, которые часто опрокидываются, что такие кризисы «ведут к разбазариванию американской помощи», и заявляет: «На том основании, что с таким разбазариванием необходимо покончить, США прямо вмешались в политические дела Греции».

Английская газета «Рейнольдс Ньюс» в № 5294 поместила маленькую заметку, озаглавленную «Ужас». Заметка состоит лишь из одной фразы: «Сообщения о том, что туземные солдаты и офицеры, состоящие на службе у французов в Индокитайской войне, массами переходят на сторону противника, вызвали ужас в Вашингтоне».

«РЕЙНОЛДС НЬЮС». News that native troops and officers serving under the French in the Indo-China war have been deserting in mass to the enemy has caused consternation in Washington. «Сообщения о том, что туземные солдаты и офицеры, состоящие на службе у французов в Индокитайской войне, массами переходят на сторону противника, вызвали ужас в Вашингтоне».

Пикеты бастующих рабочих и служащих здания одного из предприятий связи в Детройте (США). На плакатах надписи: «Не будет прибавки — не будем работать».

Провал маскарада американцев в Париже

«Фестиваль XX века» — так громко именовался закончившийся недавно в Париже шумный маскарад, организованный пресловутым «Конгрессом за свободу культуры».

О какой «свободе культуры» идет речь, станет вполне ясным, когда мы напомним имена организаторов фестиваля. Это — презренный ренегат Кестлер, теоретик американского фашизма Бернхэм, французский фашист Раймонд Арон, трубадур Тито во Франции Жан Кассу и другие, подобные им лакеи поджигателей войны.

Фестиваль открыто субсидировался американцами. Основной его целью было форсирование вторжения растленной долларовой «культуры» во Францию.

В Париж были доставлены американские оркестры, американские писатели, американские картины. На концертах исполнялись ультрафашистские и космополитические произведения американских композиторов. Перед партером, наполненным собаками и джамми «из высшего общества», одна за другой проигрывались какофонии модных американских композиторов. На «литературных беседах» деголетев Андрей Мальро, воспевая «искусство для искусства», упражнялся в подлых напаках на социалистический реализм. Советский Союз и прогрессивную интеллигенцию Франции. Сюрреалист Андре Бретон, опытный провокатор, исписал не одну страницу, чтобы объявить представителей прогрессивной интеллигенции «тоталитаристами».

Кроме музыки, особым вниманием устроители фестиваля потщили живописи. Фальсификаторы и клеветники вели на страницах маршаллизованных листовок кампанию оскорблений и клеветы против передовых французских художников и советской живописи. Некий Бенжамен Перре, «прославившийся» своими оскорблениями поэтов французского Сопротивления, посмел чернить известного прогрессивного мексиканского художника Сикейроса.

Эта подлая кампания была разоблачена Луи Арагоном, который напечатал в «Леттр Франсез» серию статей о живописи, получивших самый широкий отклик.

Организу «фестиваль», американские агенты пытались спекулировать на стремлении французской интеллигенции установить культурные связи со всеми народами. Они изображали свое предприятие, как «место встречи» литераторов и искусства всех стран. Но, разумеется, организаторы фестиваля и не подумали пригласить писателей и художников Советского Союза и стран народной демократии, так же как и представителей прогрессивной французской интеллигенции.

Такая тактика разоблачила подлинный характер фестиваля в глазах всех честных французских интеллигентов: какой может быть «фестиваль XX века» без участия Фадеева и Френбурга, Шостаковича и Прокофьева, Арагона и Элюара, Фужерона и Пикассо!

«Фестиваль» проходил под знаком «свободы культуры», но одновременно с ним в жаб французское правительство запретило представление пьесы Роже Вайяна «Пол».

«Конгресс за свободу культуры» — созданная американскими поджигателями войны «международная» организация, объединяющая идеологических оруженосцев Уолл-стрит.

Корреспондент признает себя виновным, которая разоблачает преступные действия американской армии в Корею. В этом же месяце в обстановке полнейшего беззакония был арестован писатель Андре Стиль. В этом же месяце полиция бросила в тюрьму Жака Дюкло.

О какой свободе культуры может идти речь, если предпринимаются подобные попытки установить во Франции фашистский режим!

Организаторы фестиваля хотели привлечь французскую интеллигенцию к участию в провокационных выпадах против Советского Союза и свободных народов; они хотели дать ей «интеллектуальные» основания для ненависти к ее собратьям в Советском Союзе и странах народной демократии, они хотели изолировать прогрессивную французскую интеллигенцию, создать барьер между ней и теми, кто еще только начинает становиться на путь борьбы.

Но этот маневр не удался. Во многих французских газетах были опубликованы протесты, подписанные крупнейшими деятелями французской культуры и разоблачившие все клеветническое, что содержалось в программе этого американского фестиваля, который по был выражен, а всего лишь фальсификацией и карикатурой на достижения культуры двадцатого века.

Даже реакционная пресса вынуждена была признать провал «фестиваля». Создан ему вначале рекламу, она впоследствии все меньше и меньше писала об этом американском маскараде, видимо, отставая себя от той исключительной непопулярности, которой он пользовался в Париже. Не случайно даже такая реакционная газета, как «Фигаро», подвергла критике «шелевые» американской живописи на фестивале. Слишком отталкивавшее впечатление производили на любого зрителя

FESTIVAL DU XXe SIECLE AMERICAIN «Фестиваль американского XX века» — так назвал свой сатирический рисунок французский прогрессивный художник-график Мителер, Чумная блоха, играющая на скрипке, — вот подлинное уродливое лицо той цивилизации, которую пропагандируют холосты Уолл-стрит во Франции и других маршаллизованных странах.

Рисунки из французского еженедельника «Аксюм»

творения художников «долларовой школы». Попытка расколоть ряды французской интеллигенции потерпела полный крах. Единственный отпор, который был дан американским культуртрегерам, лишь еще раз продемонстрировал готовность большинства французской интеллигенции защищать свою культуру, свои национальные традиции, независимость своей страны и мир во всем мире.

Жан КАНАПА ПАРИЖ

Наука людоедов

«ДОКТОР ШПИОНСКИХ НАУК»

«Американский совет научных обществ» сообщил, что по согласованию с военным ведомством производится «национальная регистрация специалистов в области гуманитарных и социальных наук, в особенности тех, кто благодаря специальным познаниям либо пребыванию или путешествиям за границей может быть квалифицирован как «территориальный специалист».

Далше поясняется, что военное ведомство особенно интересуется людьми, имеющими специальные познания по языку, истории, экономике, культуре тех зарубежных стран, которые «представляют потенциальную опасность» — речь идет о странах Восточной Европы и Дальнего Востока, а также... об Иране.

«Американский совет научных обществ» разработал специальную анкету для регистрируемых ученых. Остается лишь ввести новые ученые степени: магистра и доктора шпионских наук, присваиваемые Пентагоном.

ЛОГИКА ФОРРЕСТОЛОВ. Милитаризация науки в США принимает самые неожиданные формы. Перед нами «научный труд» по логистике, написанный Дунканом Боллэнтайном и изданный Принстонским университетом. Логистикой, как известно, называется математическая логика — обобщенная формальная логика, пользующаяся символическими обозначениями. Ныне, оказывается, этот термин приобрел новое, тотальное значение. Книга Боллэнтайна именуется:

«Морская логистика США во второй мировой войне». «В самом широком смысле», — объясняет принстонский «теоретик», — термин логистика обозначает тотальный процесс, посредством которого все национальные ресурсы — материальные и человеческие — мобилизуются и направляются к осуществлению военных целей... Логистические операции являются интегральной частью функций ведения войны...»

Американская тотальная логистика — это военная логика людей, одержимых психозом «ведения войны», логика форрестолов.

«НАУЧНАЯ МИССИЯ НАНДЖЕСТЕРА». Председатель Американского общества бактериологов Уолтер Нанджестер считает уменьшение числа людей и увеличение числа багилл своей основной научной миссией. Он полагает, что американские милитаристы, увеличив производством атомных бомб, уделяют недостаточное внимание производству смертоносных бактерий. А между тем, увернет кровавый бактериолог, чума, оспа, тиф обладают большим преимуществом перед атомной бомбой: бомбу нельзя принести в неприятельскую страну в жидком кармане, а багиллы можно. Нанджестер обратился в военное министерство США с требованием увеличить ассигнования на

бактериологическую войну. Военный министр Ловелл сообщил полковнику чуму, что правительственные ассигнования на бактериологическую войну удвоены. Однако это не успокоило Нанджестера. Он заявил, что удвоения ассигнований для производства смертоносных багилл — недостаточно.

ИЗЫСКАНИЯ ПРОФЕССОРА ДОЛДА. Вашингтонский университет заключил на три года контракт с управлением военно-воздушного флота США на проведение специальных научных исследований в области «психологической войны». На организацию исследований военное ведомство ассигнует Вашингтонскому университету 100 тысяч долларов ежегодно.

Темой этих научных изысканий будет эффективность различных методов сбрасывания листовок с самолетов на неприятельские территории, установление наилучших методов рассейвания листовок, определение наибольшего радиуса их распространения и успешности попадания в руки гражданского населения.

Все предусмотрел руководитель «научных работ», дальновидный профессор Долд, кроме одного: как отнесется к этим листовкам гражданское население. Б. БЫХОВСКИЙ